



*Александра
Шервинская*

ТАЙНА

бумажных бабочек

Александра Шервинская
Тайна бумажных бабочек

«Автор»

2024

Шервинская А.

Тайна бумажных бабочек / А. Шервинская — «Автор», 2024

Нет, шеф! Никогда и ни за что! Лучше увольте!...Хотя нет, увольнять не надо, я свою работу люблю! Тогда давайте договоримся, а? Не получится? Как жаль...А может, вы сами принца очаруете? Ой, простите, что-то я не то говорю! А может...Тоже нет? Вот засада...Всё. Поняла. Задача ясна: принца очаровать, в фаворитки пробиться, про некроманта выяснить и можно тоже очаровать, тайну исчезновений раскрыть, секрет странных посланий разгадать. И это всё одной маленькой мне? Хорошая шутка, шеф! Что значит - вы не шутите? А что вы делаете? Ах, задание формулируете...И зачем я в ваше детективное агентство устроилась? Сидела бы себе дома, вышивала крестиком...И пропустила бы всё самое интересное! Ну уж нет...не дождётесь!

© Шервинская А., 2024

© Автор, 2024

Александра Шервинская

Тайна бумажных бабочек

Глава 1

«Ничего не понимаю!

Или что-то случилось, или одно из двух!»

© Следствие ведут Колобки

Облака медленно брели в сторону горизонта, напоминая стадо разноцветных пушистых барашков: белых, золотистых, нежно-розовых, сиреневых, иногда даже густо-лиловых. Они то сбивались в группки, то неспешно расплзались по своим только им понятным делам, и мне порой казалось, что я даже улавливаю какую-то странную логику в их хаотичном движении. Но это, естественно, было не так: у облака не может быть логики, как нет её и у того, чем я занимаюсь уже второй день.

Нет, лежать на стоге сухого сена и наблюдать за въезжающими в летнюю королевскую резиденцию и выезжающими из неё мне даже нравилось. Последние недели выдалась такими хлопотными и напряжёнными, что нынешнее поручение вполне можно было считать полноценным отдыхом. Тем более, что движение, как ни странно, было достаточно вялым. Видимо, время торговцев, поставляющих продукты на дворцовую кухню, уже закончилось, а до появления гостей, приглашённых на королевский ужин, было ещё далеко.

Так что я, услышав цоканье копыт, лениво скосила глаз на очередного всадника и аккуратно записала в блокнот в столбик с названием «въехали»: «рыцарь в цветах барона Тэйлора». Подумала и пририсовала рядом лошадь, перевернулась на живот, прищурилась и добавила лошадке рожки. Вытащила из сена соломинку, погрызла её и украсила кривоватые бока рыцарского скакуна цветочками. По-моему, получилось очень мило. И совершенно не важно, что на лошадь существо с рожками и в кособоких ромашках походило в последнюю очередь. Главное, что мне нравится, а мнение остальных по этому вопросу меня совершенно не волнует, если честно.

Следующие полчаса не происходило ровным счётом ничего, и я уже начала придумывать облакам, с которыми практически сроднилась за последние два дня, имена. Например, вот то золотистое облачко в форме сердечка вполне могут звать Долли...или Милли...или Молли...

От этого, несомненно, высокоинтеллектуального занятия меня отвлек скрип замковых ворот. Тяжёлые, окованные толстыми листами железа створки медленно ползли навстречу друг другу, подталкиваемые сопящими от натуги стражниками. Интересно, а почему это вдруг закрывают ворота, которые по устоявшейся веками традиции стоят распахнутыми от восхода солнца до заката. Может, случилось что?

Запахнув блокнот в сумку, я мячиком скатилась со стога, надвинула поглубже шляпу с широкими, но слегка обвисшими полями и бодрым прогулочным шагом двинулась в направлении замка, рассчитывая прилечь на травке где-нибудь неподалёку от ворот. Тогда есть шанс подслушать, как стражники будут объяснять следующему визитёру, почему ворота вдруг оказались закрыты.

Долго ждать не пришлось, и буквально через несколько минут после того, как я с относительным комфортом устроилась на заросшем душистым клевером лугу неподалёку от ворот, в поле моего зрения появился всадник. Я без труда узнала в нём герцога Фарийского, кузена нашего короля, личность поистине легендарную.

В своё время он предотвратил несколько покушений на короля Чарльза, после чего решил, что спасать кузена на безвозмездной основе ему не очень интересно, и возглавил опе-

ративно основанную им же королевскую тайную полицию. Теперь он по-прежнему заботился о безопасности монаршего семейства, только уже за более чем приличные деньги.

Пожалуй, это был единственный королевский родственник, который мог себе позволить путешествовать в одиночку, без охраны, так как только безумец мог попытаться напасть на него. Герцог был не только великолепным бойцом, но и магом не из последних. Поговаривали даже, что его увлечение магией пахло колдовством и запрещёнными ритуалами, но шептались об этом тихо и редко: жить хотелось всем. А уж добрым и мирным нравом герцог не отличался никогда. Поэтому сплетничали, конечно, куда же без этого, но мало и аккуратно, так сказать, оглядываясь.

Мне видеть самого обсуждаемого королевского родственника вблизи приходилось впервые, поэтому я, лёжа в своём клевере и стараясь прикинуться пучком травы, внимательно рассматривала волевое породистое лицо с достаточно тонким хищным носом, высокими скулами и очень светлыми голубыми глазами. По-военному коротко подстриженные чёрные волосы были щедро посыпаны солью седины, что, впрочем, не старило герцога, а удивительным образом шло ему. Добротная, но более чем скромная для человека его статуса одежда скрывала тренированное тело воина, а не придворного щёголя.

Он остановился перед закрытыми воротами и неторопливо спешился. Подойдя к запертым створкам, герцог, не слишком стесняясь, от души пнул их ногой, видимо, в надежде, что кто-нибудь выйдет и объяснит ему, что, собственно, случилось.

– Почему ворота закрыты? С какой стати я должен стоять и ждать, пока меня пропустят? Жить надоело? – резко спросил герцог у выглянувшего в окошко и побледневшего стражника. И манера говорить, и тон, и даже тембр голоса – всё выдавало в нём человека, привыкшего к безоговорочному подчинению. За воротами послышалась какая-то возня, затем через небольшую боковую калитку выбрался начальник караула. Он одёрнул мундир, поправил перевязь с клинком, кашлянул и вытянулся перед герцогом по стойке «смирно».

– Ваша светлость, – преданно глядя на главу тайной полиции, браво отрапортовал он, – приказ начальника замковой службы безопасности: ворота закрыть, никого не впускать и не выпускать!

– На меня приказы вашего начальника не распространяются, это вы, я надеюсь, понимаете? – рявкнул герцог так, что даже мне в моём клевере захотелось вытянуть руки по швам и щёлкнуть несуществующими шпорами на очень милых лаптях, купленных специально в соседней деревушке. Что уж говорить про попавшего под раздачу начальника караула. И не важно, что он только исполнитель. Как правило, именно они и страдают в первую очередь – это, увы, закон жизни.

– Так точно, ваша светлость! – отчеканил начальник караула, и в его глазах мелькнула обречённость. Действительно, выбор не так чтобы большой: либо пропустить герцога и нарушить прямой приказ непосредственного начальника, либо не пропустить королевского кузена и заполучить такие проблемы, рядом с которыми ссылка в дальний гарнизон покажется милостью.

– Тогда открывай, – в голосе герцога уже слышались пока ещё тихие раскаты приближающейся грозы. Судя по всему, начальник караула тоже их уловил, так как вытянулся ещё больше и, зажмурившись, отчеканил:

– Не велено! – и слегка втянул голову в плечи, ожидая вспышки герцогского гнева. – Хоть казните, ваша светлость, у меня приказ.

Я тоже замерла, приготовившись к лавине начальственной ярости, но, как ни странно, герцог только хмыкнул и с одобрением взглянул на начальника караула.

– Молодец, капрал, – он хлопнул вытянувшегося в струнку и ещё не верящего, что гроза миновала, вояку по плечу, – приказ для военного человека – первое и главное. Достоин держался, даже меня не испугался, а?

– Испугался, ваша светлость, – позволил себе едва заметную улыбку капрал, – но приказ не исполнить не мог.

– Как зовут?

– Капрал Бейкер, ваша светлость, – отрапортовал начальник караула.

– Хвалю, капрал Бейкер, – королевский кузен на секунду задумался, – пойдёшь ко мне в службу? Мне смелые и верные нужны. Не обижу ни званием, ни деньгами.

– Отчего ж не пойти, ваша светлость, – капрал по-прежнему стоял навытяжку, – коли служба хороша. При вашей милости служить любому лестно.

– Поговорим ещё, Бейкер, – кивнул герцог и оглянулся по сторонам, – эй, пастушок, сюда иди.

Я так внимательно прислушивалась к разговору, что даже не поняла сразу, что обращается герцог ко мне. Герцог! Ко мне! Я вскочила и опрометью кинулась к воротам, потому что именно так поступил бы любой крестьянский мальчишка, на которого соизволил обратить внимание столь блистательный господин. Только вот непосредственный контакт с обитателями замка или их гостями не входил в мои планы, и потому маскировка оставляла желать лучшего. Если внимательно присмотреться, то можно легко понять, что я ни разу не пастушок. В лучшем случае – пастушка.

Впрочем, мои опасения оказались напрасными: герцог и не собирался присматриваться к какому-то мальчишке, который валялся на траве.

– Местный? – не глядя на меня спросил он, распутывая повод великолепного серого коня.

Я молча кивнула, потому что пастушок ну вот никак не мог разговаривать женским голосом, а удивлять герцога совершенно не входило в мои планы. Пусть считает, что я настолько растерялся от вельможного внимания, что дар речи потерял. В самом прямом смысле этого слова.

– Ручей рядом есть?

Я снова кивнула, всем видом выражая готовность услужить. Насколько я успела изучить местность, валяясь на сене, неподалёку был небольшой пруд.

– Напой коня, только дай остыть, – герцог бросил мне повод, который я ловко поймала, – и потом присмотри. Пусть пасётся, далеко не пускай. Головой за него отвечаешь: случится что с конём – запорю. Понятно? Выполнишь – не обижу.

Я опять старательно закивала: если так пойдёт дальше, скоро у меня отвалится голова.

Герцог тем временем нагнулся и шагнул в калитку, через которую вышел начальник караула. Видимо, это был такой компромиссный вариант: вроде как ворота не открыли, следовательно, приказ командира капрал не нарушил и наказывать его не за что.

Глава 2

«Заметьте, не я это предложил!»

© Покровские ворота

– Сынок, с этим безобразием нужно что-то решать! Мы не можем и дальше продолжать делать вид, что всё в порядке: нас просто не поймут. Сегодня они удивляются, завтра начнут возмущаться, а там и до мыслей о смене правящей династии недалеко. Ты хочешь провести остаток дней где-нибудь в захолустье? Нет? Вот и мы с её величеством не хотим.

– И чего же ты ждёшь конкретно от меня, папа? Чтобы я всё бросил и занялся поисками преступников? Сидел в засаде, прыгал по крышам, – при этих словах принца её величество королева Марион побледнела и испуганно прижала к губам кружевной платочек, – голодал, мёрз...

– Ну зачем же так радикально, – слегка смутился его величество, но опомнился и сурово нахмурил брови, старательно не замечая жалобного взгляда супруги, – я имею в виду лишь то, что тебе нужно всерьёз задуматься над тем, как решить проблему с исчезновениями твоих фавориток. Три пропавших девицы за два месяца – это уже слишком, тебе не кажется? Того и гляди – войдёшь в историю с каким-нибудь дурацким прозвищем типа «Филипп Кровавый» или «Филипп Синяя Борода». Это как-то не комильфо, мой мальчик! Если дело так пойдёт, тебе просто не с кем будет скоро...кхм...поговорить о поэзии...

Сказав это, его величество, носящий гордое имя Чарльза Красивого, осуждающе взглянул на принца, который, пригорюнившись, смотрел куда-то в сторону. А поразмышлять его высочеству было о чём. Во-первых, он совершенно не представлял, как обезопасить от неприятностей леди Камиллу, претендующую на освободившееся место в его постели и уже делающую ему недвусмысленные намёки, которые принц воспринял вполне благосклонно. Во-вторых, нужно действительно как-то выяснить, что же произошло с несчастными девушками, которые словно испарились из своих покоев, оставив лишь странные, никем пока не расшифрованные послания. И в-третьих, нужно наконец-то уже взять себя в руки и принять волевое решение по поводу того, какого цвета камзол надеть на ужин: сиреневый или тёмно-синий.

Наследник трона в плане внешности взял от родителей, пожалуй, лучшее: от отца ему достались тёмно-русые волосы, крупными локонами лежащими на широкие плечи, тонкие, но мужественные черты лица, а от матери – большие карие глаза в обрамлении длинных ресниц.

Король искренне любил младшего сына и очень надеялся вырастить из него достойного преемника. Принц, правда, государственными делами занимался не слишком охотно, предпочитая балы, пикники, охоту и прочие достойные молодого дворянина развлечения. Королева утешала мужа, убеждая его, что принц остепенится, как только женится, но и под венец его высочество Филипп не торопился. Все намёки родителей на то, что неплохо бы обзавестись наследниками, принц демонстративно пропускал мимо ушей.

– Кстати, – оживилась её величество, – недавно ко двору была представлена дочь барона фон Кравица, Илона, прелестная девушка! Она будет на завтрашнем ужине. Может быть, тебе стоит пригласить её как-нибудь на прогулку по дворцовому парку? Разумеется, с компаньонкой, чтобы не скомпрометировать юную леди.

Её величество с надеждой взглянула на сына, но тут же тяжело вздохнула, не увидев в его глазах ни малейшей искры интереса. Ну вот как его женить, если мальчик категорически не хочет обзаводиться семьёй? Если только связать и силком приволочь к алтарю, но ведь – не поймут. Да и потом...он же вырваться будет! А что делать? Обе дочери уже благополучно выданы замуж и активно снабжают наследниками, увы, соседние королевства, а не своё собственное.

А старший сын...Это была болезненная тема для королевской четы, так как их первенец, красавец принц Уильям, который, в отличие от лентяя Филиппа, с удовольствием помогал отцу в вопросах управления государством, три года назад вдруг увлёкся магией.

Он забросил всё и с головой ушёл в изучение древних фолиантов, начал сутками пропадать в лаборатории, которую для него в срочном порядке построили в дальнем крыле городского дворца. И добро бы принц занялся чем-нибудь полезным, так ведь нет...Уильяма привлекла самая непонятная, а потому и самая пугающая часть магии – некромантия, магия мёртвых. Ну какой принц из некроманта, согласитесь. Потому Уильям быстренько отказался от прав на престол в пользу младшего брата и с видимым облегчением заперся в своей части замка, появляясь на торжественных мероприятиях только тогда, когда иначе было просто нельзя.

– Его светлость герцог Себастьян Фарийский! – торжественно объявил дворецкий, появившись на пороге библиотеки, в которой и сидело в данный момент королевское семей-

ство. Королева едва заметно нахмурилась, зато его величество Чарльз и принц Филипп переглянулись и вздохнули с заметным облегчением.

– Себастьян! Ты так быстро? – король поднялся из своего кресла и с улыбкой пошёл навстречу стремительно вошедшему в библиотеку кузену. – Или ты встретил гонца по пути?

– О чём ты, Чарльз? Я никого не встретил и до сей минуты даже не подозревал, что моё присутствие может быть тебе необходимо, – в голосе герцога слышалось явное удивление, – что у вас тут случилось? Почему закрыты ворота?

Герцог поцеловал руку королеве, тепло обнял брата и по-приятельски, хотя и слегка снисходительно, похлопал по плечу принца.

– У нас в замке исчезают девушки, – сообщил дяде жутко довольный, что можно переложить решение проблемы на профессионала, принц, – и это как-то нервирует. Понимаешь?

– Девушки? В замке? – иронично изогнул чёрную бровь герцог. – Как интересно! Что, вот прямо так и исчезают? Совсем? И давно вы так развлекаетесь?

– Дядя, вот ты снова смеёшься, а у меня, между прочим, за два месяца третья фаворитка пропадает! Это дурно сказывается на моей репутации, – Филипп раздражённо пожал плечами.

– Пока я вижу, что это дурно сказывается на твоей способности рационально мыслить и внятно изъясняться, – невозмутимо ответил его светлость, усаживаясь в кресло и устало вытягивая длинные ноги в изрядно запylённых сапогах, – изволь точно сказать, что произошло.

– Вчера вечером я попрощался с леди Беатрис, как обычно, около двух часов, и она ушла к себе в гостевые покои. А утром мы узнали, что она в свои комнаты так и не вернулась. Её камеристка, когда поняла, что госпожа не ночевала у себя, подняла тревогу. Беатрис, конечно, та ещё вертихвостка, но вот так, чтобы не ночевать у себя, – нет, такого она себе не позволяет. Всё же леди из хорошей семьи.

При этих словах принца герцог насмешливо фыркнул, но от комментариев пока воздержался, лишь жестом показав, что ждёт продолжения истории.

– Осмотрели комнату – никаких следов отъезда или побега. Все вещи, платья, драгоценности – всё на местах, а можешь мне поверить, Беатрис без своих обожаемых побрякушек шагу из замка не сделала бы. Но её нигде нет. Камеристка хозяйку с вечера не видела, слуги нигде не заметили, на конюшне она не появлялась, у своих приятельниц тоже не была.

– Может быть, у неё есть ещё кто-то кроме тебя? – выдвинул версию герцог, вызвав на красивом лице принца гримасу высокомерного недоумения. – Сам говоришь, что эта ваша Беатрис – вертихвостка.

– Не думаю, – отмахнулся принц, мельком бросив взгляд в высокое зеркало и поправив манжет на правой руке, – зачем ей ещё кто-то? Я всегда щедр и ласков со своими женщинами, а что ещё может быть нужно?

– Любовь, например, – тон лорда Себастьяна был полон неприкрытого скепсиса, но нужно же рассмотреть все версии, даже самые невозможные, – не могла она в кого-нибудь влюбиться?

– И уйти к нему, проведя перед этим пару часов в моей спальне? Интересное выражение любви, – Филипп изящным отработанным движением откинул со лба тёмно-русую прядь и выжидательно посмотрел на дядю.

– И что ты на меня так смотришь? Я не фокусник, и не собираюсь извлекать из шляпы кроликов. Более того – я вообще не планирую заниматься этим делом. Поверь мне, Филипп, у меня полно проблем гораздо более серьёзных, чем поиски твоих сбежавших любовниц.

– Но дядя! – с отчаянием воскликнул принц, разом растеряв вальяжность и самодовольство. – Ты не можешь бросить меня наедине с этой проблемой!

– Ну, во-первых, могу, совершенно спокойно. Ты уже достаточно большой мальчик, – невозмутимо сообщил герцог, – во-вторых, я не единственный твой родственник, поэтому с проблемой ты будешь справляться не один, а в компании папеньки. Правда, Чарльз? Ты ведь сможешь Филиппу в поисках бедняжки Беатрис, не правда ли?

Король машинально кивнул, а заметив в глазах кузена плохо скрытую иронию, почувствовал, как к щекам изнутри подступает жар. Откуда Себастьян мог узнать? Он же никогда, никому, ни полслова!

Но милая крошка Беатрис была так обеспокоена судьбой своих предшественниц, так мило пугалось сплетен и слухов, что его величество счёл своим долгом поддержать бедную девочку. К тому же он так давно не позволял себе расслабиться с кем-нибудь: Марион внимательно следила за всеми потенциальными претендентками на внимание короля и вовремя устраняла возможную угрозу. А так как Беатрис уже была негласно объявлена фавориткой Филиппа, то её величество исключила девушку из числа представляющих опасность. Ах, Беатрис... ах, шалунья, проказница! Его величество улыбнулся воспоминаниям, но, наткнувшись на откровенно насмешливую улыбку герцога, нахмурился и сделал вид, что вообще не понимает, что к чему.

– Разумеется, мы же одна семья, – немного пафосно произнёс король, вызывающе глядя в глаза кузену. Но смутить того было чрезвычайно сложно, во всяком случае, его величеству это точно было не по силам. Так что герцог довольно кивнул и только собрался встать и отправиться в свою комнату в гостевом крыле, чтобы привести себя в порядок и отдохнуть, как Чарльз сказал:

– Но со шкатулками мы точно без тебя не разберёмся, Себастьян. Это загадка не для нас, как бы нам ни было неприятно это признавать.

– Что за шкатулки? – герцог уже готов был проклясть тот час, когда какое-то труднообъяснимое чувство заставило его вскочить на коня и примчаться в летний замок кузена.

– В комнатах всех пропавших девушек, а их, как ты знаешь, было три...

– Включая бедняжку Беатрис, – не смог удержаться от колкости герцог, ехидно покосившись на брата.

– Да, включая несчастную Беатрис, – с вызовом отозвался Чарльз, – так вот, в комнатах всех девушек на прикроватных столиках были обнаружены небольшие шкатулки. В таких обычно хранят недорогие драгоценности, для которых не предусмотрены специальные футляры. Причём все горничные, как одна, клялись, что ничего похожего у их хозяек никогда не было. Мы бы, может быть, и не обратили бы внимания, но кто-то, я уже не помню, кто именно, заметил, что шкатулки совершенно одинаковые.

– Может, у них просто одинаковые коробочки для всяких безделушек, так ведь бывает, – недовольно откликнулся герцог, чувствуя, как где-то под сердцем сворачивается пока небольшой ледяной клубок – верный признак надвигающихся неприятностей.

– Не бывает, – решительно вступил в разговор принц, – для девушек же смерти подобно, если у кого-нибудь будет точно такая же вещь. Так что твоя версия, дядя, не выдерживает никакой критики. Не разбираешься ты в женщинах...

Герцог медленно повернулся к племяннику, затем иронично приподнял левую бровь, хотел что-то сказать, но предпочёл промолчать, за что король был ему искренне признателен. Вот только ссоры кузена с Филиппом им сейчас и не хватало.

– Я могу увидеть эти шкатулки? – только очень внимательный слушатель уловил бы, что в голосе королевского кузена стало чуть больше льда. Король относился именно к таким людям, поэтому недовольно нахмурился и с лёгким раздражением посмотрел в сторону сына: ну вот куда вылез со своими комментариями?

– Разумеется, – кивнул он лорду Себастьяну, подозвал своего камердинера, которому доверял почти безоговорочно, и отдал приказ принести одну из шкатулок, которые спрятали ото всех подальше, в один из ящиков письменного стола в кабинете короля.

– Я прослежу, чтобы всё сделали как следует, – поднялась королева, которая всё это время молча сидела в своём кресле, склонившись над вышиванием, – Себастьян, ты же останешься на ужин?

– Благодарю, непременно. Марион, ты не будешь возражать, если на ужин я приглашу одного своего старого друга, к которому у меня дело? Он человек достойный, состоятельный, благородного происхождения, безусловно ведёт себя в обществе, да ещё и холостяк. Так что приглашённым юным дамам будет, что обсудить потом. Он прекрасная партия для любой, хотя не каждая сможет его заинтересовать, уж поверь. Мне удалось тебя заинтриговать?

– Удалось, хитрец ты этакий. Конечно, приглашай, раз ты ручаешься за него, – королева мило улыбнулась герцогу, хотя в её глубоких тёмных глазах на секунду мелькнула тревога и ещё какое-то чувство, название которому подобрать было очень сложно, – как говорят в одной из северных провинций, твои друзья – наши друзья.

– Спасибо, Марион, – герцог тепло улыбнулся королеве, снова прикоснулся губами к её запястью и переключил своё внимание на королевского камердинера, поставившего на стол в центре библиотеки небольшую шкатулку.

Её величество, увидев, что мужчины внимательно рассматривают принесённый предмет, положила вышивание на специальный столик у окна и вышла из библиотеки, уверенно постукивая каблучками. Но, как только тяжёлая дверь закрылась за её спиной, она обессиленно прислонилась к стене, прикрыла глаза и глубоко, прерывисто вздохнула. Затем, едва выровняв дыхание, она медленно поднесла к губам руку, прижавшись к тому месту, которое пару минут назад поцеловал герцог. Затем, взяв себя в руки, королева Марион запрокинула голову, чтобы не дать предательским слезам выкатиться из глаз: ей совершенно ни к чему, чтобы хоть кто-то видел секунды её слабости. Она просто не может себе этого позволить. Не сейчас.

Между тем лорд Себастьян, даже не подозревающий о буре в душе королевы, которую вызвало его внезапное появление, задумчиво рассматривал небольшую, чуть больше крупной мужской ладони, шкатулку, сделанную из обычного дерева и покрытую странными, но завораживающе красивыми узорами. Ни надписей, ни клейма изготовителя или значка гильдии на ней не было. Впрочем, не было на шкатулке и замка.

Повертев коробочку и внимательно изучив покрывавшие её рисунки, герцог попробовал её открыть, но у него ничего не получилось. Впрочем, именно этого он и ожидал: уж на то, чтобы открыть обычную шкатулку, у короля с принцем ума хватило бы. И, раз они этого не сделали, значит, есть какой-то секрет, не разгадав который, шкатулку не откроешь. Осталась мелочь – понять, что это за секрет и как его разгадать.

Себастьян осторожно попробовал прощупать коробочку с помощью магии и поднял на брата удивлённый взгляд: неприметная на вид шкатулка была опутана невероятно плотным коконом защитных заклинаний. Спрашивается – зачем? Что такого может лежать в шкатулке, что её защитили, словно это секретнейший военный или финансовый документ?

– Мой придворный маг, а ты его знаешь, он один из лучших, сказал, что не взялся бы вскрывать эту защиту, даже если бы я предложил ему половину своей сокровищницы, – прокомментируя удивление, отразившееся на лице герцога, король Чарльз.

Лорд Себастьян глубоко задумался, барабанил пальцами по столешнице, потом поднял на короля серьёзный взгляд.

– Чарли, – его величество внутренне напрягся, так как этим детским именем кузен называл его в двух случаях: или в состоянии глубочайшего опьянения, или в ситуациях более чем серьёзных. А так как герцог был абсолютно трезв, то оставался только второй вариант, – ты уверен, что хочешь, чтобы это дело было раскрыто?

– Что за странный вопрос? Разумеется, хочу, – король с неприкрытой тревогой всмотрелся в серьёзное лицо кузена, – ты что-то знаешь?

– Нет, – герцог отрицательно покачал головой, – но моя интуиция подсказывает мне, что ваше дело о пропавших девушках может оказаться гораздо серьёзнее и опаснее, чем нам сейчас кажется. Поэтому я уточняю – ты уверен, Чарли? Просто человек, которому я поручу это дело,

узнает всё. Понимаешь? Всё в его понимании не подразумевает никаких тайн: ни крупных, ни мелких. Если понадобится, он под микроскопом изучит всю вашу жизнь.

– Но... – король растерянно посмотрел на хмурого кузена, – я думал, ты сам займёшься этим. Зачем кого-то посвящать во внутренние дела нашей семьи? И потом, ведь может быть так, что ты ошибаешься, и пропавшие девушки – это всего лишь пропавшие девушки?

– Боюсь, что нет, – герцог задумчиво крутил на пальце перстень с крупным изумрудом, – ты же понимаешь, что эти три девушки никому не интересны, они не нужны сами по себе. Их ценность в другом.

– В чём же? – Филипп хмуро смотрел на отца и дядю, в душе молясь всем существующим и несуществующим богам о том, чтобы король отказался. В жизни принца было слишком много того, что он предпочёл бы сохранить в секрете ото всех. Никакого криминала, нет, но... не хотелось бы...

– В их близости к вам, – совершенно спокойно пояснил герцог.

– Тогда зачем же их... убрали? – принц хотел сказать «убили», но ведь никто не знает, что произошло с его любовницами. Доказывай потом, что ты ничего такого не имел в виду!

– В чём-то они не подошли нашему злодею, – пояснил принцу очевидные вещи герцог, – и он будет перебирать их до тех пор, пока не найдёт подходящую.

– Подходящую для чего? – нервно спросил король, начиная осознавать, что всё не так просто, как ему казалось.

– Вот это и нужно выяснить, – герцог решительно шагнул к окну, открыл створку, громко и как-то особенно резко свистнул и повернулся к королю, – прими решение, Чарли. Мне вызывать моего человека?

– А чем будешь занят ты, пока он станет вести расследование? – король цеплялся за последнюю соломинку, но уже чувствовал, что согласится.

– Я? А я буду стараться сделать так, чтобы вы все остались живы, пока он ловит нашего хитреца.

– Хорошо, – его величество кивнул, – но, я надеюсь, твой человек даст все клятвы, положенные в таком случае. Ты сам понимаешь – слишком многое может стать ему известно.

– Разумеется, – согласился лорд Себастьян, всматриваясь вдаль, и через несколько секунд присутствующие услышали хлопанье крыльев, а на подоконник опустился крупный чёрный ворон. Герцог потрепал его по перьям, быстро написал что-то на маленьком листке бумаги, вложил послание в специальный непромокаемый футляр, прикрепленный к лапе птицы, и ворон стремительно улетел куда-то на север.

Глава 3

«Селянка, а селянка, подь сюды!

Хочешь большой, но чистой любви?»

© Формула любви

Не знаю, какой характер у герцога, но конь, опрометчиво порученный мне королевским кузеном, оказался редкостной скотиной.

Во-первых, он категорически не желал идти туда, куда я его вела, постоянно останавливался, начинал жевать клевер, любоваться бабочками и вообще всячески демонстрировать полное пренебрежение ко мне.

Во-вторых, эта породистая пакость всё время покушалась на пучок васильков, которыми я украсила свою не слишком презентабельную шляпу, и мне приходилось постоянно отслеживать его маневры, спасая васильки от преждевременной гибели.

Вообще лошадей я люблю, во всяком случае, так мне казалось до сегодняшнего дня: я вполне прилично для девушки ездю верхом, причём как в дамском седле, так и в мужском, а то и вовсе без седла. Я могу напоить, накормить и обиходить коня, правда, только в том случае, если он спокойно стоит в конюшне, а не скачет козлом по луговым кочкам!

Стоило мне чуть сильнее натянуть повод, как герцогский конь упирался всеми четырьмя копытами в землю и сдвинуть его с места не представлялось возможным. При этом он нагло смотрел на меня своими бархатными глазами и делал возмутительно честную морду.

Наверное, проще всего было сесть на упрямую скотину верхом и так добраться до пруда, но вот досада – герцог ездил без седла, а коняшка была такого размера, что взобраться на неё без стремян я могла только при условии, что она постоит спокойно хотя бы минуту. Угу... размечталась...

Через полчаса я взмокла, стала задыхаться, махнула рукой на охрану васильков, которые тут же сожрал невероятно довольный этим конь, и поняла: первое, что я сделаю, вернувшись когда-нибудь в родительский дом, – это потребую повысить жалование конюхам, ибо... есть за что!

Пруд оказался, как только мы с конём завернули за группку деревьев, торчащих посреди поля. И теперь тормозить, упираясь ногами, приходилось уже мне, так как герцогский транспорт радостно устремился к серебристо искрящейся воде, совершенно не думая о том, что у нас с ним несколько разная скорость передвижения. Мысль отпустить повод у меня даже не возникла, так как я прекрасно понимала, что поймать это... животное, если оно того не захочет, я не смогу. А проверять, как отреагирует герцог на сбежавшего скакуна, мне не очень хотелось.

Когда мы добрались до берега, я готова была вместе с конём припасть к воде и, громко фыркая, пить её...пить...пить... Но, решив, что лежать на мокром берегу всё-таки не очень правильно, я с трудом поднялась. Воспользовавшись тем, что мой мучитель стоит спокойно, я быстренько распутала повод, крепко-накрепко привязала его к удачно оказавшемуся рядом невысокому деревцу, убедилась, что длины повода хватит для того, чтобы конь мог добраться до сочной прибрежной травы, и упала в небольшой стожок, блаженно вытянувшись на душистой травке. Закрыла глаза и позволила себе немножко отдохнуть...совсем чуточку.

– Ну и зачем надо было выбирать образ пастушка, скажи, пожалуйста? – вырвал меня из сладкой дрёмы до боли знакомый голос. – Варианта попроще не нашлось?

– Шеф? – я мгновенно пришла в себя и во все глаза уставилась на вольготно расположившегося в соседнем стожке непосредственного и единственного начальника, который, по моим представлениям, сейчас должен был находиться в совершенно другом конце государства. – А что вы тут делаете?

– Как ты можешь видеть – лежу, – констатировал очевидный факт шеф, лениво покусывая длинную травинку, – пытаюсь увидеть смысл в твоих поступках и вынужден признать своё абсолютное бессилие. Твоя замысловатая женская логика в очередной раз нанесла мне сокрушительное поражение.

– И что вам непонятно? – надулась я, понимая, что сейчас меня будут ругать, точнее, не ругать, а очень интеллигентно, как и положено представителю очень древнего рода, медленно и со вкусом смешивать с...мусором под ногами. А я, как всегда, не найду достойного ответа, так как шеф, разумеется, будет абсолютно прав. Он всегда прав, и иногда это так бесит!

– Мне не очень понятно, Глория, почему пастушок? – из глаз шефа исчезла недавняя расслабленность, и сейчас передо мной был суровый руководитель, поймавший подчинённого на халтуре. Причём халтуре недопустимой.

– Ну... – промямлила я, – мне показалось, что для сельского пейзажа это будет самый естественный вариант. Пастушок в поле – это же нормально, разве нет?

– Глория, детка, – я насторожилась, потому что слово «детка» в отношении меня шеф употреблял только тогда, когда собирался морально уничтожить, – пастушок в поле – это нор-

мально, когда к нему прилагаются те, кого он пасёт. Бездельничающий посреди лета в блаженном одиночестве пастушок – это абсолютно не нормально!

Я смущённо вздохнула и попыталась закопаться в траву, но стожок был недостаточно большим. Поэтому пришлось просто опустить голову, чтобы не видеть сердитого лица шефа.

– И потом, где ты видела пастушка с такими формами? Ты меня пойми правильно, твои выпуклости в нужных и стратегически оправданных местах всегда радовали мой мужской взгляд. Но зачем ты всю эту прелесть попыталась упаковать в одежду мальчика, скажи на милость? Если уж тебе приспичило изображать труженика пастбища, оделась бы пастушкой. То, что рубашка тебе на три размера велика, не скрывает того, что под ней прячется. Любой, кто тебя увидит, если он обладает хотя бы минимумом логики и внимания, сразу поймёт, что дело тут нечисто.

Я тихо старалась сравняться в цвете с красным клевером, который густо рос вокруг, до того мне было стыдно: ну почему я сама обо всех этих деталях не подумала? А ещё надеялась, что шеф оценит мою старательность, похвалит, может быть, даже когда-нибудь возьмёт в напарники...

– И последний вопрос, Глория...

Уф, уже «Глория», не «детка», значит, основная гроза миновала.

– Почему ты занимаешься конём, который подозрительно похож на любимца его светлости герцога Фарийского? Только не говори мне, что ты в таком виде перед ним появилась... Глория! Ты почему молчишь?

– Вы же сами сказали – только не говори... вот я и не говорю...

– Боги милосердные, – выдохнул шеф, откидываясь на траву, – за что вы послали мне это испытание и почему отняли мой ум в тот день, когда я принял эту бездарность на работу? Что я вам такого сделал?

– Он, между прочим, не догадался, – из чистого упрямства попыталась оправдаться я, – сказал, чтобы я пасла... пас его коня и обещал не обидеть, вот.

– Это хорошо, – зловеще сообщил шеф, – потому что тут скоро уже очередь выстроится из желающих тебя обидеть. Начиная с твоего отца и заканчивая мной. Боюсь, герцогу уже ничего не достанется. Тебе что было велено делать?

– Следить за въезжающими и выезжающими, – отрапортовала я, так как хотя бы в этом своей вины не чувствовала: все передвижения у меня были записаны.

– И? – шеф с мученическим видом смотрел на меня из стога. – Где результат?

– Вот! – я торопливо открыла сумку и, вытащив блокнот, протянула его начальству. – Вот, всё записано по столбикам: кто въехал, кто уехал, с указанием времени.

Шеф молчал, задумчиво изучая отчёт, потом странно посмотрел на меня, снова углубился в изучение таблицы, зачем-то повернул её на бок, потом снова вернул в нормальное положение.

– Глория, – как –то неуверенно обратился он ко мне, не поднимая глаз от блокнота, – стесняюсь спросить, а вот это – кто?

– Где? – я пододвинулась поближе и заглянула в таблицу. – Всё же понятно, шеф...

– Вот это, – тонкий палец ткнул в ромашкового коня с рожками, – это кто?

– Конь, – я пожалала плечами. В конце концов, меня не художником брали на работу, а агентом, – а что?

– Ничего, – всё так же задумчиво ответил шеф, – эта версия мне в голову как-то не пришла. А цветочки зачем?

– Для красоты, – огрызнулась я, понимая, что этот живописный шедевр шеф будет вспоминать мне ещё очень долго.

– Ну тогда ладно, – согласился шеф, задумчиво рассматривая таблицу, – а скажи на милость, чего тебя понесло к воротам, если твоя задача была только наблюдать?

Я мысленно поблагодарила всех богов, так как, раз начался деловой разговор, значит, шеф отошёл и готов к конструктивному диалогу. Начать отчитываться мне помешал огромный чёрный ворон, который, устало взмахивая крыльями, опустился на плечо к шефу, и тот извлёк из футляра на лапке птицы записку. Прочёл, нахмурился, недоуменно пожал плечами и вздохнул.

– Так что ты забыла у ворот, Глория?

– Я увидела, что посреди дня закрывают ворота, чего никогда не бывает, сами знаете, и решила полежать в травке неподалёку – вдруг чего услышу.

– Услышала? – шеф даже соизволил заинтересованно дрогнуть бровью.

– А как же! – я гордо задрала нос, но, заметив насмешливо дрогнувшие губы шефа, уже спокойнее ответила. – Дежурный капрал сказал герцогу, что это распоряжение начальника службы безопасности замка: никого не впускать и не выпускать.

– Ах вот даже как, – словно сам себе проговорил шеф, – как интересно! И что, все, кто въехал в замок за два дня, были в своём истинном облике?

– Все, – подтвердила я, – уж я-то заметила бы, вы же знаете, шеф! Можно вопрос?

– Можно, – милостиво кивнуло начальство, напряжённо размышляя о чём-то.

– А вы почему здесь так внезапно? Если не служебная тайна, конечно...

– Тайна, – согласился шеф и вдруг как-то оценивающе взглянул на меня, – Глория, скажи, а тебе наш младший принц нравится?

– Эммм... в каком смысле? – я вытаращилась на шефа.

– В самом прямом, как мужчина, – начальство заинтересованно смотрело мне прямо в глаза, и мне казалось, что я вижу, как в его голове крутятся шестерёнки и детальки, складываясь в только ему ведомую картинку.

– Да не особо, – я пожалала плечами, – вы же знаете, я таких, как он, терпеть не могу. Самодовольный красавчик с одной извилиной, и та короной намята. А с чего вдруг такой интерес?

– Есть у меня для тебя одна заданьце, – начал шеф, и я насторожилась, – ты, конечно, можешь отказаться, я поручу его кому-нибудь более гибкому...

– Шеф, не тяните! – я аж из стожка выбралась, демонстрируя готовность хоть сейчас бежать выполнять новое поручение, – что от меня требуется?

– Полюбить принца, – огорошил меня обожаемый руководитель, с интересом наблюдая за сменой выражений на моём лице, – точнее, любить его не обязательно, нужно просто стать его фавориткой.

Глава 4

«– Пришвартоваться у причала стоит шиллинг.

И назови своё имя.

– Может лучше три шиллинга?

А имя – чёрт с ним?».

© Пираты Карибского моря

Гости начали прибывать в королевский замок за несколько часов до начала ужина, ведь нельзя упустить такую чудесную возможность пообщаться с нужными людьми, быть представленным и самому представить, обменяться взглядами и намёками – тот, кто хоть раз оказывался втянутым в эту великосветскую круговерть, прекрасно понимал важность подобных событий.

Появление королевской четы и наследника планировалось уже непосредственно на ужине, так что гости совершенно свободно фланировали по залам, прогуливались по аллеям парка, перетекая из одной группки в другую. И человек посторонний никогда не догадался бы,

что именно так и вершатся судьбы если не всего мира, то отдельного королевства – наверняка. Не в тронных залах и не на торжественных приёмах, а именно здесь, в таких кулуарных беседах, казалось бы, ни о чём.

– А вы слышали, что его высочество Филипп снова свободен, так как леди Беатрис получила отставку...

– Что вы говорите? И кто же заменит её, неужели эта выскочка Кларисса? Или Камилла? Надо подойти и засвидетельствовать обеим своё почтение...

– Граф, вы ещё не заключали договор с северными эльфами? Нет? И не торопитесь, я слышал, что ведутся переговоры о...

– Его сын – прекрасная партия, поверьте, барон. Ну и что, что дурак? Вам же нужен не он, а земли его отца...

– В этом году он заканчивает Академию магии, и нам надо постараться перехватить его раньше, чем...

– Вы знали, что замок сегодня весь день был закрыт? Такого не случалось со времён последней войны...

– Наверняка это что-то, связанное с подготовкой к подписанию договора...

Высокий светловолосый мужчина, одетый в безупречно сшитый костюм благородного кофейного оттенка, медленно передвигался по залам и парку, ни с кем не заговаривая, но вежливо раскланиваясь с дамами и отвечая на приветствия мужчин. Он впитывал в себя разговоры, как впитывает воду морская губка, которую добывают в далёких южных королевствах и за невероятные деньги продают здесь любителям понежиться в пенной ванне.

На него обращали внимание, но тут же забывали, так как странному гостю совершенно не нужно было, чтобы кто-нибудь из присутствующих потом вспомнил о том, что он здесь был. Амулет невидимости при необходимости двигаться в потоке гостей был не самым удобным вариантом – обязательно на кого-нибудь наткнёшься, а вот рассеивающим внимание и стирающим образ из памяти артефактом вполне можно было воспользоваться. Что таинственный гость и сделал.

Побродив так около полутора часов, мужчина неторопливо вышел из зала, пересёк внутренний двор и по узкой лестнице легко вбежал в боковую башню, где на галерее его уже ждали.

– Хью, я очень благодарен тебе, что ты смог так быстро приехать, – герцог Себастьян крепко обнял незнакомца, – как тебе удалось?

– Не поверишь, но, когда я получил твою записку, то находился в полумиле от замка, – искренне улыбнулся гость, – но я всё равно приехал бы, просто чуть позже.

– В полумиле? – герцог вопросительно поднял брови. – И что, позволь узнать, ты здесь делал? Я был уверен, что ты сейчас всю стараешься распутать клубок вокруг пропавшей короны принца Османии.

– Уже распутал, – рассмеялся тот, кого герцог назвал Хью, – там всё оказалось гораздо проще и противнее, чем могло показаться сначала, даже говорить не хочу. А здесь я навещал своего агента.

– О как! – воскликнул герцог, остро взглянув на друга. – И что же твой агент здесь делал?

– Наблюдал за замком, – пожал плечами Хью, – надо признать, наблюдал достаточно бестолково, но что поделать – как нет в мире совершенства, так нет в нём и идеальных агентов.

– Полагаю, на вопрос, кто тебя нанял, ты не ответишь? – помолчав, уточнил лорд Себастьян. – Прости, глупый вопрос. Мне ли не знать о твоих принципах. Скажи только: это как-то связано с исчезновением фавориток Филиппа?

Хью покачал головой и задумался. Потом решительно повернулся к герцогу:

– Хотел ответить, что не связано, а теперь вдруг подумал, что не уверен. Скажу в очень общих чертах. Я получил информацию, что в замок может попытаться проникнуть достаточно сильный некромант. Естественно, он будет под иллюзией, причём наверняка очень качествен-

ной. А у моего агента есть один совершенно уникальный талант: видеть сквозь любые иллюзии. Абсолютно любые.

– Какой полезный навык, – хмыкнул герцог, – и что твой агент высмотрел? Прибыл некромант?

– Нет, – Хью задумался, – если бы он был среди тех, кто проехал по мосту, я бы знал от агента. Порталом он пройти не мог – сам знаешь, при перемещении слетают любые иллюзии и отводы глаз.

– Агент...агент... – герцог задумчиво прищурился и вдруг хлопнул ладонью по перилам, – пастушок!

– Почему ты так решил? – едва заметно улыбнулся Хью. – Мне интересно.

– Он молчал, – проговорил герцог, вспоминая все детали мимолётной встречи у ворот, – хотя по идее должен был бы благодарить. И взял коня, не дождавшись монетки – вот что меня смутило!

– Бестолочь, – сердито прошипел Хью, – ну вот как работать? Хотя, конечно, крестьяне – не её профиль, но могла бы и постараться...

– Постой... Что значит – не её? – опешил лорд Себастьян. – Не хочешь же ты сказать, что твой агент – девушка...

– Именно что девушка, – досадливо поморщился Хью, – она талантливый агент, у неё за плечами не одно выполненное задание, но здесь... Ну какой из неё пастушок?!

– Симпатичный, – засмеялся герцог и дружески толкнул локтем Хью, – очень даже симпатичный, между прочим. Она красотка, как мне кажется...

Гость задумчиво посмотрел на королевского кузена, что-то прикинул, затем вытащил из кармана смятый листок, вырванный из блокнота, и показал герцогу:

– Вот смотри, – он ткнул пальцем в кривоватое животное с рогами разной длины, хвостом и разномастными ромашками на боках, – кто это?

– Конь, – подумав и внимательно рассмотрев животину, выдал ответ лорд Себастьян, – ну я так вижу... Нет? Не конь?

– Конь, почему же... – задумчивость на лице Хью стала сменяться ухмылкой предвкушения. Так улыбается человек, задумавший мелкую пакость, – а почему у него на боках цветочки? Хью замер в ожидании ответа.

– Так, наверное, для красоты, нет? – неуверенно высказал версию герцог.

– Да! – воскликнул страшно довольный Хью и потёр руки. – Именно для красоты!

– И чему ты так радуешься, скажи, пожалуйста? – насторожился герцог. – Какая очередная гениальная и опасная для меня лично идея пришла тебе в голову?

– Я возьмусь за дело, о котором ты меня просишь, – уже вполне серьёзно сказал Хью, – и пришлю тебе своего агента для внедрения. Ты представишь её как вашу с Чарльзом очень дальнюю родственницу, которой ты покровительствуешь, потому что...потом придумаем, почему именно. Ты поможешь девочке освоиться в столице и представишь её ко двору. Дальше уже её работа.

– А кого пришлешь? – Себастьян не мог уловить логики в рассуждениях друга. – И при чём здесь этот рисунок? И почему курировать её должен я? У меня своих дел мало?

– Потому что среди всех, кому я показывал эти каракули, только два человека опознали в этом чудовище коня. Она – потому что она же его и нарисовала, и ты. Значит, мыслите вы в чём-то одинаково.

– Хью, я передумал, это не конь, это коза, – сделал не очень уверенную попытку избавиться от дополнительной работы Себастьян, – ну какой же это конь? У него рога... Я ошибся, дружище...

– Поздно, – безжалостно покачал головой Хью и мечтательно глядя куда-то вдаль, добавил, – я уверен, вы прекрасно сработаетесь. А там глядишь, и понравится друг другу. Глории

уже давно пора замуж, нечего по полям да по чужим замкам прыгать. Да и тебе жениться не помешает.

– Скажи, – герцог задумчиво посмотрел на друга, – что я тебе такого сделал, а? За что ты со мной так?

– А что такого? Мужчина ты в самом расцвете сил, богат, знатен до полного отвращения, а что закоренелый холостяк – так и не такие ломались.

– Так ты мне для этого своего пастушка подсовываешь? Ничего не говори! Я понял – ты мне мстишь. Только не понимаю, за что: вроде бы настолько страшно я перед тобой не виноват.

– Не переживай, всё не так трагично, – не выдержав, рассмеялся Хью, – Глория убеждённая холостячка, если можно так сказать. Она вбила себе в голову, что станет сыщиком, а замужество, дети, кухня – это не для неё. Так что вряд ли она будет так уж сильно претендовать на твой изрядно подержанный организм.

– Все они так говорят, – проворчал лорд Себастьян, которому невероятных усилий стоило до сегодняшнего дня избегать брачных оков. То война, то покушение, то расследования – не до ерунды, в общем.

От дальнейшего обсуждения сомнительных перспектив семейного счастья лорда Себастьяна спас племянник, который появился во дворе возле башни. Увидев герцога, он просиял и решительно направился в его сторону.

– Дядя! Вот ты где, а я тебя всюду ищу, – Филипп слегка запыхался, взбегая на галерею, и герцог мельком подумал о том, что племянник находится не в лучшей физической форме. Всего-то тридцать ступенек, и он уже пыхтит, как старый кузнечный горн: куда это годится? Нужно будет провести соответствующую разъяснительную работу с комендантом замка и составить план тренировок. А то на что это похоже?

– Филипп, позволь тебе представить лорда Хьюберта. Это именно тот человек, который будет заниматься расследованием небезызвестного тебе дела.

– Ваше высочество, – Хью вежливо склонил голову, но сделал это так, как мог себе позволить только человек, равный принцу по положению.

– Лорд Хьюберт, – принц улыбнулся и сделал паузу, которую Хью и Себастьян проигнорировали, поэтому принцу пришлось проявить определённую настойчивость, – простите, я не расслышал вашу фамилию.

– Филипп, – с мягким укором проговорил герцог, – исчезновение девушек действительно не лучшим образом сказывается на твоей сообразительности.

– Для вас, ваше высочество, просто лорд Хьюберт, остальная информация вам совершенно ни к чему, – спокойно пояснил безмятежно улыбающийся Хью, – ведь от того, будете вы знать мою фамилию или нет, расследование не пойдёт ни быстрее, ни медленнее. Так зачем вам эти излишки информации.

– Чтобы не возникло недопонимания, слегка проясню ситуацию, – герцог увидел, как нахмурился принц и поспешил сгладить острые углы, – Филипп, я надеюсь, тебе будет достаточно сведений о том, что лорд Хьюберт – из Синей Долины, и он только что успешно завершил дело, являющееся тайной короны Османии.

– Правда?! Вы Отказавшийся?! – глаза принца широко распахнулись, и он с почти неприличным любопытством стал рассматривать представителя самого загадочного магического ордена.

– Боги, Филипп, ну что же ты так кричишь? – поморщился герцог. – Ты ещё плакат напиши и вели повесить над входом. Мол, в замке маг из Синей Долины. Ну, чтобы уже все узнали.

– Дядя, ты вечно смеёшься, – обиженно нахмурился Филипп, но, вспомнив о правилах приличия, обратился к магу, – лорд Хьюберт, надеюсь, вы не откажетесь быть почётным гостем в нашем замке.

– Не откажусь, – благодарно склонил голову Хью, – скажите, ваше высочество, когда вам удобнее было бы поговорить со мной, я хотел бы узнать как можно больше о предстоящем мне деле.

– Филипп, – принц улыбнулся, и маг подумал, что вполне понимает всех тех девиц, которые гроздьями вешаются на принца: обаяния его высочеству было не занимать, – зовите меня, как и дядя, просто Филипп.

– Благодарю, – Хью улыбнулся принцу и уточнил, – так где и когда мы сможем поговорить?

– Скоро ужин, – слегка нахмурился Филипп, – и отец тоже хотел со мной о чём-то поговорить. Вас устроит, если мы встретимся за бокалом достойного вина после ужина, допустим, в библиотеке?

– Вполне, – кивнул Хью, быстро переглянувшись с Себастьяном, – наверное, будет просто замечательно, если его величество сможет к нам присоединиться.

– Сможет, куда он денется, – хмыкнул герцог, – иначе он лопнет от любопытства. Тогда, Филипп, предупреди отца, а я пока провожу нашего гостя к себе. Распорядись, чтобы Хью отвели покои максимально близко к моим, хорошо?

Принц кивнул и откланялся, хотя было видно, что ему ужасно хочется поговорить с магом из загадочной Долины, куда никому кроме членов Ордена Отказавшихся хода не было. Тем не менее, вспомнив об обязанностях хозяина дома, Филипп вздохнул и отправился искать отца. Герцог и Хью остались стоять на галерее, задумчиво глядя вслед юноше.

– Молод, – проговорил Хью, – неосторожен, самолюбив и поэтому уязвим. Ты уверен, что цель не он?

– Разве можно быть в чём-то уверенным? – философски вздохнул герцог. – Целью может быть кто угодно. Но мне не нравится то, что от этого дела за милую несёт колдовством. Поэтому я и побеспокоил тебя, мой старый верный друг.

– Я не исключаю, что дело, ради которого я направил сюда Глорию, и то, что предлагаешь мне ты, сплетутся в одну большую и очень несимпатичную интригу.

Себастьян молча кивнул. Мужчины стояли, думая каждый о своём, когда над их головами, в галерее, расположенной этажом выше, раздались лёгкие шаги. Шла явно женщина, но что могло понадобиться ей на верхней галерее оружейной башни? И как она туда попала, ведь не могли же они её пропустить. Не сговариваясь, герцог и Хью сделали синхронный мягкий шаг назад и прижались к стене, постаравшись слиться с нею. Тем временем в верхней галерее раздались шаги второй женщины.

Застывшие у стены мужчины переглянулись, и герцог сделал условный жест, призывающий к полной тишине. Хью только молча кивнул и постарался превратиться в тень.

– Ты опоздала, – произнёс наверху безликий женский голос, явно изменённый с помощью специального амулета, и Хью поморщился: теперь сложно будет понять, кто там был, а в то, что голос изменён без веской причины, верилось с трудом.

– Простите, госпожа, – ответила вторая женщина, судя по голосу – достаточно молодая.

– Ты принесла, что я просила?

– Да, госпожа. Это было непросто, но когда я перебирала бельё, то нашла платок, и на нём было несколько капелек крови.

– Принесла?

– Да, вот он.

– Я довольна тобой, – произнёс холодный равнодушный голос, – когда ты мне понадобишься, я позову тебя. А теперь иди.

Раздались лёгкие шаги, но было ясно, что вторая женщина по-прежнему стоит на галерее, поэтому оба лорда старались даже не дышать из опасения проявить себя. И невольно вздрогнули, когда наверху раздался насмешливый голос, по-прежнему искажённый амулетом:

– Господа, вы слишком громко думаете, это почти оскорбительно – так недооценивать противника. Лорд Себастьян, отступитесь – я вам не по зубам. Лорд Хьюберт – вы достойный противник, но не в этот раз.

– Благодарю за предупреждение, – любезно ответил герцог, стремительно разворачивая сеть заклинания, – но, леди, может быть – договоримся?

– Нет, лорд Себастьян, – голос стал чуть глуше, – повторюсь, и считайте это жестом доброй воли с моей стороны, – не в этот раз. Кстати, ваша сеть никого не поймает, а я предупредить больше не стану, хотя ваша смерть мне не нужна. Впрочем, как и ваша жизнь.

Герцог запустил сеть поискового заклинания, надеясь зацепить хоть что-то, хотя бы тень, отзвук, отголосок – безрезультатно. Наверху уже никого не было.

– Никаких соображений? – Хью был как никогда сосредоточен и серьёзен. – Пока понятно только, что цель не ты и не я, что уже не может не радовать. Но кто? Король? Королева? Принц? Вся правящая семья?

– Хью, кто тебя нанял? – герцог не смотрел в глаза другу, так как понимал, что задаёт вопрос, на который маг имеет полное право не ответить, так как наверняка связан клятвой, но уж слишком Себастьяну не нравилось происходящее. – Для кого твой липовый пастушок наблюдал за замком?

– Я не могу назвать имя, – хмуро ответил Хью, – но даю слово, что о твоей проблеме с фаворитками, вернее, о проблеме Филиппа, я узнал только из твоей записки. По моим сведениям некромант, которого мы отслеживали, должен был забрать из королевской библиотеки редкий гримуар. Ни о пропавших девушках, ни о Филиппе, ни о королевской семейке вообще речи не было. Иначе я проинформировал бы тебя, просто на всякий случай. Больше я сказать не могу, прости...

– Спасибо, – кивнул герцог, ни на секунду не усомнившись в словах друга, – тогда я не понимаю: получается, что здесь параллельно сплетается две интриги? Одна связана с фаворитками принца, которые пропадают в неизвестном направлении, оставляя после себя только странные шкатулки, а вторая – с некромантом, желающим украсть редкую книгу. Некромант – воришка? Странно как-то...

– Мне не понравились слова о каплях крови, – думая о своём, проговорил Хью, – а ещё меньше мне понравилось то, что эта незнакомка разговаривала с нами на равных. Было впечатление, что она знает нас обоих. Тебе так не показалось?

Герцог кивнул, он тоже не смог не обратить на это внимания: женщина обратилась к ним по именам, хотя и с титулами, но как к...хорошим знакомым. Но пересчитать женщин, которые могут себе позволить подобную вольность – вполне хватит пальцев одной руки.

– Есть версии? – поинтересовался герцог. – Что мы имеем: женщина, знает нас обоих явно лично, не понаслышке, разбирается в магии крови, сама магиня или владеет очень мощными артефактами...что ещё?

– Она не боится, – добавил задумчиво Хью, – ни тебя, ни меня. Я знаю всего трёх женщин, подходящих под эти параметры. Но Янина замужем и благополучно сидит в своём княжестве практически безвылазно, совершенствуется в магии земли, выращивая не то крупные яблоки, не то мелкие арбузы, я, если честно, не вникал. Но я уверен, что ей эти интриги глубоко параллельны.

– Согласен, Янина не вариант. Мадлен сейчас не до нас, она вполне успешно охмуряет владыку демонов в каком-то соседнем мире, я недавно получил приглашение на свадьбу, – ухмыльнулся Себастьян, вспомнив, как этот самый владыка с полгода назад слёзно умолял спасти его от матримониальных планов талантливой выпускницы Академии магии, но...если уж женщина чего решила...

– Добилась-таки, – хихикнул, несмотря на серьёзность ситуации, Хью, – остаётся Серена, но, насколько я в курсе, она полностью ушла в преподавательскую деятельность... после определённых событий...

Герцог нахмурился, так как прекрасно понял, на что намекает Хью: несколько лет назад у них с Сереной случился бурный, хотя и непродолжительный роман, закончившийся, к облегчению Себастьяна и огорчению девушки, ничем. С тех пор Серена старалась свести их общение к минимуму, а герцог и не настаивал на ином.

– А может... – Хью неуверенно взглянул на мгновенно закаменевшее лицо герцога.

– Не может, – резко ответил тот, сжав руки в кулаки, – ты не хуже меня знаешь, что её Искра погасла, значит, её нет в живых.

– Прости, – Хью дружески накрыл рукой стиснувшие перила галереи пальцы друга, – я не думал, что для тебя это по-прежнему так болезненно.

– Она погибла, считая, что я её предал, – герцог смотрел в никуда ничего не видящим взглядом, а перед внутренним взором разворачивалась картина, где женщина, которую он, наверное, любил... уж как умел... исчезала в столбе пламени на месте сработавшей и предназначенной именно ему ловушки. Его Лидия... С тех пор прошло больше десяти лет, но боль от потери и от осознания тогдашнего собственного бессилия до сих пор отравляла герцогу жизнь.

– Прости, – Хью опустил голову, – не хотел беречь твои раны. Давай отвлечёмся от грустного и подумаем, как разумнее внедрить Глорию в окружение принца.

– Ты прав, только вести такие разговоры лучше там, где нас гарантированно никто не сможет подслушать, – Себастьян выпрямился, страшивая прошлое и связанные с ним тягостные мысли, и только более резко выделившиеся на лице морщинки говорили о том, что в его душе только что бушевала настоящая буря, – пойдём ко мне. Я успел проверить безопасность своих комнат. К тому же у меня есть бутылка прекрасного альвского.

Мужчины спустились с галереи, даже не подозревая, что за тем, как они идут через двор, наблюдало несколько пар глаз. И эти внимательные взгляды далеко не всегда были доброжелательны. Из-за одной занавески за ними следили глаза, горящие настоящей, глубокой, искренней ненавистью.

Дождавшись, пока мужчины скроются за поворотом, женщина, следившая за ними, отошла от окна и довольно улыбнулась: пока всё идёт по плану. Ей нужно было, чтобы Себастьян приехал в замок – и вот он здесь.

Глава 5

«– Видишь суслика?»

– Нет...

– И я не вижу... А он есть!».

© ДМБ

Вы никогда не сталкивались с необходимостью привести в порядок поместье за рекордно короткий срок в две недели? Нет? И не советую. Если кто предложит – отказывайтесь сразу, даже не раздумывая. Но это я теперь такая умная. А два дня назад, когда шеф познакомил меня с его светлостью герцогом Фарийским и озвучил задание, я пребывала в состоянии такой эйфории, что опрометчиво соглашалась на всё, что предлагал королевский кузен.

Нужно изобразить провинциалку, дальнюю-дальнюю бедную родственницу, которую герцог, расчувствовавшись, решил облагодетельствовать, – да не вопрос, всё же не пастушком быть (тут я снова покраснела от стыда за проваленный образ). Герцог пригласит меня на пару ужинов, заранее оговорив с королём Чарльзом мою роль: я только изображаю потенциальную фаворитку, а на самом деле – это охота «на живца». Принца решили пока в хитросплетене-

ния плана не посвящать, иначе флирт получится недостаточно достоверным. А как очаровать принца – тут, как выразился герцог, я уж как-нибудь сама...

Вместе с шефом лорд Себастьян решил, что селить меня непосредственно в летней резиденции – не самая удачная идея, лучше найти какое-нибудь жилище поблизости от замка. Ну, вот это поместье, если можно его так назвать, и нашли. Вчера я переговорила с агентом по недвижимости, а сегодня уже приехала смотреть свою возможную собственность. Осмотр почему-то, по настоятельной рекомендации агента, начали с подвала.

Серый, пушистый и очень-очень толстый слой пыли ровным слоем покрывал всё вокруг. Широкие стеллажи, забитые каким-то непонятным хламом, к которому даже в перчатках страшно было прикасаться, письменные столы с наполовину вытащенными и так и не закрытыми ящиками, стулья, бессильно покосившиеся то ли по причине хлипкости ножек, то ли просто от многолетнего бессмысленного существования в этом богами забытом подвале. Я с тоской смотрела на эти мусорные залежи и думала о том, что шеф, конечно, здорово придумал с этим поместьем, но убирать-то всё это придётся не ему, а мне. Не барское это дело – тряпкой махать. Ну хорошо, допустим, тряпкой и я махать не собиралась – хвала всем богам, бытовую магию и наёмных работников ещё никто не отменял, но всё равно обидно.

Пустые, но не менее грязные полки в той части, что была когда-то явно отведена под винный погреб, не сохранили ни малейших следов от лежавших или стоявших здесь когда-либо бутылок или бочек и наводили на мысли о том, что тут никогда и ничего не хранили. Сундуки с оторванными и небрежно отброшенными в стороны крышками были абсолютно пусты, как карманы пьяного нищего. Ощущение полной безнадёжности пронизывало каждый квадратный дюйм этого унылого до зубной боли помещения, вызывая желание плюнуть, махнуть на всё рукой, развернуться и подняться по скрипучей лестнице с давно рухнувшими перилами наверх.

Но вся проблема состояла в том, что и наверху было немногим лучше. Всюду: в просторном, но пустом и до жути замусоренном холле, в каждой из семи комнат второго этажа, в хозяйских покоях и прилегающем к ним кабинете, даже в кухне и подсобных помещениях – везде царили запустение, грязь и отвратительный дух брошенного дома. Не оставленного, не опустевшего, а именно брошенного на произвол судьбы, не нужного абсолютно никому, разрушающегося и умирающего. Если не найдётся хозяин, то пройдет ещё пара десятков лет, крыша окончательно просядет, стены не выдержат её веса и сложатся внутрь, как кубики в выстроенной неумелой детской рукой игрушечной башне. И тогда дом умрёт окончательно.

Скорее всего, все вокруг давно смирились с такой судьбой этого старого каменного двухэтажного особняка, когда-то очень давно украшавшего собой берег изумительного озера, сейчас тоже заросшего кувшинками и затянутого ряской. Ремонтировать поместье сложно, да и не получалось ни у кого – стоило какому-нибудь предприимчивому дельцу начать реставрацию дома, с ним (с дельцом, не с домом) тут же что-нибудь случалось. Кто-то стремительно разорялся, и у него просто не оставалось средств для завершения ремонта. Кто-то заболел, и проблемы со здоровьем становились для него гораздо важнее и насущнее, чем забота о старом доме. Кто-то начинал работы, но потом пропадал, и никто больше его не видел и не слышал. Постепенно желающих отремонтировать особняк становилось всё меньше, а со временем они совсем исчезли, и окрестные жители просто ждали, когда стены рухнут сами, так сказать, без помощи со стороны.

Я прислушивалась к чувствам дома, но не могла уловить ни единого отголоска, ни малейшей эмоции или хотя бы её тени – ничего, совершеннейшая пустота и тишина. Очень странно, вообще-то: хоть какие-то отголоски магии должны были остаться. Хотя, может быть, пока так даже лучше... ну а уж потом разберёмся.

– ...тогда всё сразу и оформим, мисс Глория, вы ведь позволите так вас называть на правах старшего, – преувеличенно бодрый и до приторности сладкий голос мистера Бродвика,

агента по недвижимости, такой же скользкий и круглый, как и он сам, ворвался в мои мысли и вернул в суровую реальность.

– Разумеется, – кивнула я, отвечая сразу на оба вопроса и понимая, что мистер Бродвик не был бы и вполтину так любезен, если бы знал, что я в любом случае куплю этот дом. Мне нужен именно этот особняк, и я готова заплатить любые деньги, чтобы его приобрести. Более того, эти деньги у меня есть. Его светлость велел сделать всё максимально быстро и великодушно позволил не считаться с расходами.

Но это была совершенно не та информация, которой я собиралась делиться со своим спутником. Именно поэтому для меня не составило большого труда изобразить сомнение и нерешительность – два качества, свойственные мне в самую последнюю очередь. Энтузиазм мистера Бродвика сразу подскочил на несколько единиц, а надежда получить от меня хотя бы первоначальный взнос была написана на его лице крупными буквами.

Он вежливо подал мне руку, и я, изящно опираясь на неё и всеми силами изображая трепетное и ранимое существо, поднялась по нещадно скрипящим ступеням наверх.

– Может быть, тогда назначим время встречи? – опасаясь, что клиентка, то есть я, сорвётся с крючка, он старался максимально ускорить процесс подписания документов. – Как вам вариант встретиться завтра, допустим, в девять часов утра в нашей городской конторе?

Я сдержала ехидную ухмылку и, стиснув затянутыми в недорогие перчатки пальцами ручку скромной сумочки, явно знавшей лучшие времена, неуверенно улыбнулась мистери Бродвику.

– Да, наверное, я уже приму решение к этому времени, во всяком случае, я очень постараюсь. Пожалуй, мне стоит ещё раз посоветоваться со стряпчим тётушки, чтобы понять, хватит ли мне средств для скромного ремонта хотя бы первого этажа. Я ведь ещё не до конца разобралась с завещанием и не очень хорошо представляю размер наследства. Для меня всё это, – я обвела подрагивающей рукой захламленный холл, – так внезапно, так неожиданно!

– Конечно, конечно, – замахал пухлыми ручками мистер Бродвик, – советуйтесь, выясняйте, но не затягивайте. Поместье стоит в таком выгодном месте и продаётся за такие смешные деньги, что на него всегда найдутся желающие, вы ведь понимаете... И это я даже не говорю о дивной природе вокруг... К тому же всего с десяти милях находится летняя королевская резиденция, – тут он важно и значительно понизил голос, и я послушно закивала, демонстрируя, что впечатлилась.

Робкой и растерянной провинциалочке не к лицу было проявлять любопытство и излишнюю осведомлённость, поэтому я промолчала. Хотя очень хотелось, сделав наивные глазки, поинтересоваться, почему же, несмотря на такое чудесное месторасположение, дом до сих пор не продан и не отремонтирован. Неозвученным остался также вопрос, почему любезнейший мистер Бродвик так спешит пристроить его хоть в какие-то руки, пусть даже в неуверенные дрожжащие лапки наивной провинциальной дурочки.

– В таком случае, я прощаюсь с вами до завтра, мисс Дэндридж, – любезно раскланялся со мной довольный мистер Бродвик и, едва дождавшись ответа, поспешно покинул запylённое помещение, чуть не позабыв на радостях трость и зонт. Практически сразу раздался цокот копыт по растрескавшейся брусчатке двора и скрип рессор наёмного экипажа, в котором мы сюда прибыли. Меня мистер Бродвик дожидаться не стал, так как я уверила его, что мне нужно ещё немного осмотреться, а до города меня подвезёт тётушкин стряпчий, который заглянет к вечеру.

– До завтра... до завтра... – машинально повторяла я, задумчиво рассматривая лестницу на второй этаж и прикидывая, могу ли я подняться по ней без риска свалиться вниз и переломать кости. Интуиция подсказывала, что вряд ли, а ей я привыкла доверять абсолютно: всегда и везде. И она, в благодарность, видимо, за такое доверие, меня ещё ни разу не подвела. Решив, что совершенно спокойно переживу пока без осмотра верхних комнат, я стала изучать холл,

мысленно составляя план работ по приведению этого ужаса в состояние, пригодное для эксплуатации. Сжатые сроки и маячащий в перспективе гнев герцога мотивировали мыслительный процесс как нельзя лучше.

Если постараться и абстрагироваться от царящего вокруг жуткого беспорядка и столь же вопиющей запущенности, то можно было рассмотреть, что холл достаточно просторный. Хотя четыре высоких окна в изящных металлических переплётах, расположенные по два с каждой стороны от входной двери, были настолько грязными и почему-то закопчёнными, что практически не пропускали света. Но, наверное, если их как следует отмыть и покрасить металл в светлый цвет, то станет очень мило. А если ещё подобрать стильные кружевные, но не вычурные, занавеси в размер окна, то станет даже уютно. Никто же не знает, как долго продлится расследование.

Пол при ближайшем рассмотрении оказался удивительной красоты – наборный паркет из разных пород дерева, во всяком случае, тот кусочек, который мне удалось без ущерба для собственного внешнего вида расчистить от вековых наслоений грязи, был именно таким. От перспектив, как может выглядеть такой пол после соответствующих процедур, просто дух захватывало.

Продолжая свою исследовательскую деятельность, я добралась до старинного камина, к которому даже приближаться не стала: было ощущение, что одежда пачкается уже при одном взгляде на толстые слои сажи. Невозможно было даже рассмотреть декоративную отделку: всё было покрыто толстым слоем пыли и мелкого мусора.

А вот почти незаметную, но явно тяжёлую дверь в дальнем конце холла я всё же попыталась если не открыть, то хотя бы сдвинуть с места. Через узкую щель, которую я смогла проделать, мне удалось рассмотреть, что за дверью находится небольшая симпатичная комнатка с панорамным окном, которое выходит не то в запущенный, но по-прежнему красивый сад, не то вообще открывает шикарный вид на старинный парк.

Я пока ещё недостаточно изучила окрестности, так как практически всё время потратила на переговоры с мистером Бродвиком и на создание образа наивной провинциалки. Не то чтобы это было сложно, я привыкла перевоплощаться, просто почти все мои вещи еще были в пути, пришлось обходиться, можно сказать, подручными средствами.

Если эта комнатка пригодна для жилья, а не является просто кладовкой – хотя какая кладовка с окнами во всю стену? – то я уже знаю, кто первым протянет к ней свои заgreбушие ручки – это буду я. Остальные пусть как хотят, а мне такое расположение ну очень бы подошло.

Во-первых, она находится на первом этаже, и я смогу спокойно заниматься делами даже очень поздно вечером, не пробираясь потом наверх и никому не мешая. Во-вторых, если окно выходит на старинный парк, то это вообще подарок судьбы, так как способ пробираться в этот самый парк (а из него – уже куда понадобится) незамеченной я наверняка придумаю. Ну и в-третьих, недалеко расположена кухня, что для такого прожорливого хомяка, как я, очень даже существенно.

Как я заметила тоненькую полоску, разрезавшую стену от пола до потолка между кухней и облюбованной мной комнаткой, я потом и сама себе объяснить не могла: просто вдруг показалось, что среди абсолютного бедлама выделяется кусочек, где мусора чуть-чуть поменьше. Нет, там тоже был жуткий беспорядок, но какой-то другой. Словно кто-то специально попытался его изобразить. А может быть, сработали мои способности, позволяющие видеть сквозь любые мороки и иллюзии, кто знает...

Подобрав длинную серую юбку, чтобы не испачкать её окончательно, я шустро перебралась через остов чего-то, что лет тридцать назад было, судя по обломкам, диваном. При ближайшем рассмотрении я смогла обнаружить, что стену пересекает тонкая щель, которая, как ни странно, ни паутиной не затянута, ни пылью не забита. А это означает что? Правильно – то, что ею каким-то загадочным образом регулярно пользуются. Осталось понять – каким именно.

Начать решила с самого простого: поозиравшись и махнув рукой на таки безнадежно запылившуюся юбку, подняла какую-то тонкую острую железку и решительно ткнула ею в щель. Стена отреагировала совершенно предсказуемо, а именно – не отреагировала никак: как стояла, так и продолжила монументально возвышаться метров на пять в высоту.

Я задумчиво хмыкнула, поудобнее взяла железку и стала пытаться засунуть её в любую дырочку, хотя бы отдалённо напоминающую замочную скважину. Через пятнадцать минут, убедившись в отсутствии потенциального замка, я начала методично нажимать на все выступы – а вдруг сработает система противовесов или ещё что-нибудь столь же полезное. Прошло ещё полчаса – стена мужественно держалась.

Я устала, вспотела и разозлилась. Пока в поединке характеров «Глория – Стена» последняя побеждала с разгромным счётом. Но не на ту напала, так что если в самом начале я пыталась найти решение загадки просто потому что меня заинтересовал сам факт наличия этой щели, то теперь это стало уже делом принципа.

Я воинственно нахмурилась, сдвинула неимоверно мешающую дурацкую шляпку на затылок, подтянула рукава и взялась за дело всерьёз. Отыскав взглядом более или менее устойчивый стул, подтащила его к загадочному месту, придвинула к стене, для большей устойчивости подперла каким-то ящиком и, в очередной раз помянув недобрым словом образ провинциалки, которая никак не могла ходить в брюках, не слишком изящно взобралась на упомянутый предмет мебели.

Рассматривание таинственной щели со стула ничего принципиально не изменило: способ выяснить, что же это, так и не обнаружился. Минут десять я из чистого упрямства ещё понажимала на всякие выступы и бугорки, потыкала своей железкой куда только смогла дотянуться и вынуждена была признать своё полное поражение.

Когда я, тяжело вздохнув, спрыгивала со стула, то, естественно, зацепилась длинной юбкой за какой-то угол, чуть не упала носом в вековую грязь и сильно оцарапала ладонь той самой железкой, которую пыталась приспособить к роли ключа. Зашипев рассерженной кошкой и не найдя, за что схватиться, чтобы не упасть, я, выронив опасный предмет, оперлась испачканной кровью ладошкой на стену рядом с вредной щелью.

И снова чуть не оказалась сидящей (или лежащей – это уж как повезло бы) на захлапнённом полу, так как часть стены, мягко дрогнув, чуть выдвинулась вперёд, а затем медленно и абсолютно бесшумно поползла в сторону. Забыв о боли в поцарапанной руке, я отряхнула пыльную юбку, извлекла из кармана платочек, вышитый дебильными розовыми цветочками, перетянула кровоточащую ладонь и с храбростью, граничащей с глупостью, заглянула в открывшийся проход.

За так внезапно отодвинувшейся стеной обнаружилась небольшая площадка, от которой куда-то вниз вела старинная витая лестница, совершенно, между прочим, чистая и аккуратно подсвеченная небольшими магическими светильниками, расположенными на стенах. Она абсолютно не выглядела заброшенной, поэтому я, глубоко вздохнув, решительно шагнула на первую ступеньку. Надеюсь, шеф никогда не узнает об этом моём поступке, так как соваться в неизвестный и однозначно секретный ход в заброшенном поместье, не имея никакой страховки, – верх авантюризма.

Честно говоря, я слегка опасалась, что, как только я ступлю на лестницу, дверь за моей спиной коварно закроется со зловещим скрежетом и мрачным потусторонним хохотом. Но ничего подобного не произошло – стена скользнула на прежнее место совершенно бесшумно. Ну и ладно, не очень-то и хотелось. И без того как-то не по себе: только оказавшись на лестнице я задумалась о том, а как я, собственно, планирую отсюда выбираться? Ну ничего, в крайнем случае – снова чем-нибудь поцарапаю руку, мне для такой хитроумной стены даже крови не жалко, честное слово.

Не скажу, что я очень боялась: батюшкин замок был насквозь пронизан тайными ходами и секретными лазами, точное число которых не знал никто, как мне кажется. Я с детства привыкла лазить по таким потайным лестницам, поэтому шагала вниз достаточно уверенно.

Воспоминания о доме, как всегда, повергли меня в состояние грусти, приправленной изрядной долей злости. С одной стороны, я скучала и по отцу, и по братьям, но существовать в одном доме с этой белобрысой мерзавкой, которая как-то сумела внушить отцу, что он должен на ней жениться, – выше моих сил.

Машинально отмечая боковые отводы для поступления свежего воздуха, остатки какой-то росписи, я высматривала или боковое ответвление, или дверь. Куда-то же эта лестница должна вести? Вряд ли ход тянется аж до летней королевской резиденции: убирать устанешь. Хотя тогда этому поместью вообще цены нет. Однако пока лестница ведёт исключительно вниз. Еще пара миль, и я наверняка доберусь до входа в Нижний мир. Интересно, как меня там встретят? А принципе, если очень хорошо попросить, наверное, можно договориться насчёт экскурсии: ну а что? Когда ещё оказия выдастся...

В дверь я уткнулась совершенно для себя неожиданно. В хорошую такую дверь, прочную, сделанную, как говорится, на века. Будучи барышней воспитанной, я не стала вламываться в незнакомое помещение, а очень вежливо постучала.

За дверью что-то гроыхнуло, и я с удивлением подумала, что неужели таки добралась до Нижнего мира? Сейчас как откроют, да как заташат... и всё. Никто ведь и никогда не найдёт...

Дверь распахнулась, и на пороге вместо привратника Нижнего мира с рогами и алыми глазами я увидела высокого худощавого молодого человека, в клеёнчатом переднике, завязанном поверх знавшей лучшие времена чёрной рубашки. Брюки того же практичного цвета были заправлены в высокие сапоги. Встрёпанные тёмно-русые волосы напоминали воронье гнездо. Воспитанные люди говорят о такой причёске – «находились в художественном беспорядке». Глаза рассмотреть было невозможно, так как они прятались за окулярами, какие обычно используют алхимики во время опытов.

– Здрасьте, – от неожиданности я растерялась и напрочь забыла о правилах поведения, – а вы кто?

– Хороший вопрос, – кивнул мужчина, явно тоже находясь в некоем недоумении, – а вы?

– Я первая спросила, – упёрлась я, и незнакомец слегка улыбнулся, – джентльмен представляется первым.

– Так то джентльмен, – пожал он плечами, – но уступлю даме. Я... Бенджамин.

– Это в корне меняет дело, – кивнула я, – очень приятно, Бенджамин. А я Глория.

– И мне очень приятно, – создавалось впечатление, что он искренне развлекается. Я вдруг представила, как выгляжу: сдвинутая на затылок шляпка, растрёпанные волосы, пыльная по самое не могу юбка, замотанная платком рука... Красотка! Странно ещё, что он не захлопнул дверь у меня перед носом, – мне позволено будет спросить, как вы здесь оказались, мисс Глория?

– Спустилась по лестнице, – совершенно честно ответила я, – не знала, что тут кто-то есть.

– А на лестницу как попали? – не унимался этот дотошный Бенджамин. – Насколько я помню, там нет входа. Разве не так?

– Так, – согласилась я, – но я нашла...

– А зачем?

– Да так просто... Я это поместье покупаю. Так что обследовала территорию, так сказать...

– Ага, – он с готовностью покивал головой, – и абсолютно случайно открыли дверь, скрытую заклинанием высшего уровня. Вы магический гений, мисс Глория?

– Нет, я сыщик, – почему-то брякнула я и добавила, – а передничек у вас так себе...

– Зато практично, – ничуть не смутился молодой человек со смутно знакомым именем Бенджамин. Вот где-то я его слышала, причём не один раз...но вот где? Ладно, об этом я тоже подумаю потом, позже.

– А что вы здесь делаете? – поинтересовалась я, стараясь перехватить инициативу в разговоре и попутно откладывая в памяти различные мелкие детали, которые потом, на досуге, смогу проанализировать и сделать выводы.

– Вы перехватили мой вопрос, – доброжелательно произнёс молодой человек, не делая при этом ни малейших попыток пригласить меня внутрь или хотя бы снять очки, – это я хотел поинтересоваться, что привело столь очаровательную леди на эту пыльную лестницу.

– Пыльную? – я насмешливо хмыкнула, – да тут чистота практически стерильная, не то что наверху. И как это вы допустили, чтобы дом, в котором вы обитаете... точнее, под которым вы обитаете...пришёл в такое запустение? Как вам не стыдно?

– Мне? – переспросил Бенджамин с искренним изумлением. – А почему мне должно быть стыдно? Мне вообще всё равно, как оно там выглядит наверху. Пожалуй, даже, чем хуже – тем лучше. Меньше любопытных барышень ходить будет. Кстати, вы сказали, мисс Глория, что вы сыщик. Я не ослышался?

– Нет, не ослышались, – я воинственно поправила окончательно съехавшую набекрень шляпку, – я именно сыщик, и, можете мне поверить, не из худших.

– И что же заинтересовало мисс со столь необычным хобби в этом конкретном месте? Я имею в виду поместье, а не лестницу, – вежливо пояснил он, но у меня почему-то сложилось впечатление, что надо мной тонко издеваются.

– Я хочу его купить, – заявила я и возмутилась, – может быть, вы всё-таки пригласите меня войти? Неприлично держать молодую леди на лестнице.

– Даже если я эту самую леди не приглашал? – Бенджамин склонил голову, внимательно рассматривая мою запыхавшуюся персону.

– Тем более! – с энтузиазмом воскликнула я, и молодой человек, видимо, зависнув в попытках постичь мою логику, неуверенно отступил в сторону.

Я решительно протиснулась мимо него, мимоходом отметив, что я даже на каблучках, пусть и не очень высоких, едва достаю ему макушкой до подбородка. Позади Бенджамина обнаружилась ещё одна дверь, толкнув которую я оказалась в самой настоящей лаборатории, но не алхимической, а какой-то немного иной.

Одну стену занимали шкафы с наглухо закрытыми дверцами, и что за ними находится, можно было только догадываться. Вторую стену до самого потолка закрывали стеллажи с книгами, причём часть из них была опутана не то цепями, не то какими-то кандалами, что навело на определённые размышления. Третья стена была отдана полкам с клетками, накрытыми тканью или клеёнкой, в которых что-то постоянно шебуршалось и попискивало на разные голоса. Возле четвёртой красовался знавший лучшие годы, но даже на вид удобный диван, небольшой стол с заварочным чайничком и чашкой, кресло и странного вида табуретка.

По центру достаточно просторной, несмотря на обилие всяческого барахла, комнаты расположился огромный длинный стол, покрытый каким-то составом явно магического происхождения, так как в моём «специальном» зрении он искрил и переливался. Обычно так обрабатывали свои рабочие поверхности алхимики: от горения, размокания, химического воздействия и прочего. Здесь же к стандартному набору заклинаний примешивались ещё какие-то, опознать которые мне было не по силам, как бы ни было стыдно в этом признаться.

А вот чего в этой комнате не было – так это двери. То есть вообще никакой: ни большой, ни маленькой. Интересно, а как этот загадочный Бенджамин сюда попадает? Через вентиляцию? Я задрала голову и после минуты разглядывания потолка огорчённо вздохнула: вентиляция была очень маленькая.

– Я бы не пролез, – прокомментировал мой душераздирающий вздох хозяин комнаты, – даже если бы съёжился втрое. Ну, давайте же, мисс Глория, продемонстрируйте мне вершины вашего логического мышления. Ведь вы же сыщик, а им без логики никак.

– Дверь замаскирована, – выдала я первый пробный вариант, – скрыта заклинанием. Самый распространённый способ спрятать что-нибудь.

– Не получится, – демонстративно вздохнул Бенджамин, – объясните мне, почему, и я дам вам подсказку.

– Потому что заклинание невидимости вступило бы в энергетический конфликт с другими заклинаниями, которых здесь как семечек в подсолнухе.

– Ого, какие познания в биологии, – восхитился молодой человек и даже изобразил аплодисменты, – и правильный ответ, что удивило. Обещанная подсказка: люка в полу нет.

– Это подсказка? – возмутилась я. – Если бы в полу был люк, то он точно уже привёл бы в аккурат к воротам в Нижний мир.

– Эх, если бы... – мечтательно вздохнул Бенджамин и снял очки, без которых стало видно, что он не так юн, как мне показалось в начале. Сейчас было видно, что ему за двадцать, а глаза у него удивительного шоколадного цвета. Я один раз в жизни видела настоящий шоколад, когда батюшке в качестве взятки, замаскированной под подарок, вручили фунтовую коробочку с этим практически бесценным порошком – вот он был именно такого оттенка.

– А вы очень туда хотите? – удивилась я. – Решили много? Не терпится начать расплачиваться?

– Да нет, – он пожал удивительно широкими для его худощавой фигуры плечами, – так... погулять...

– Погулять?! – я вытаращила на этого ненормального, но потом вспомнила, как сама собиралась туда на экскурсию, и покраснела. – А меня с собой возьмёте?

– Вас? Это ещё зачем? Вас там плохому научат!

– Ой, я вас умоляю, меня уже всему плохому шеф научил, – отмахнулась я, – а портал у вас стационарный или артефактами пользуетесь?

– Стационарный, – ответил Бенджамин, как говорится, на автомате, прежде, чем сообщил, что именно сказал, – вот же хитрюга! Заморочила мне голову и поймала.

Я довольно хихикнула и перешла к насущным вопросам. Нужно же как-то договариваться о дальнейшем сосуществовании: поместье-то я всё равно куплю. Шеф твёрдо намерен сделать из него что-то вроде штаб-квартиры, но для всех это будет поместье, которое я, наивная провинциалка, купила по глупости, ибо денег на полный ремонт у меня нет.

Зато будут вполне оправданы многочисленные визиты всяких личностей под личинами плотников, столяров, отделочников и прочих полезных людей. Шеф сказал, что если мне понравится поместье, я могу оставить его себе, а он будет иногда использовать его в соответствии с надобностями службы. Да и местоположение у него действительно очень удобное – недалеко от летней королевской резиденции.

– Мистер Бенджамин, – вежливо начала я, – или правильнее будет лорд Бенджамин?

– Можно просто Бен, – обезоруживающе улыбнулся мужчина, – учитывая оригинальность нашего знакомства и то, что мы теперь будем...хм...соседями.

– Тогда я просто Глория, хорошо? – я дождалась кивка и продолжила. – Нам нужно решить, как мы будем существовать дальше, чтобы не мешать друг другу. Ты наверх часто поднимаешься?

– Не очень, да и то не выхожу, а забираю то, что мне оставляет возле стены доверенный человек. Как правило, это ингредиенты, которые плохо переносят путешествие порталом.

– Ты алхимик?

– И это тоже. Но ещё я...

– Некромант, – негромко подсказала я, спокойно глядя на него, – ты забыл – я же сыщик, и сложить два и два вполне в состоянии. И, боюсь, я начинаю догадываться, кто ты на самом деле.

– Может, не будешь? – просительно произнёс Бен. – Всё же так хорошо начиналось...

– А почему оно должно закончиться? – я с неподдельным интересом посмотрела на Бена, который не совсем Бен.

– Сама понимаешь, – он нахмурился, – ну что, догадалась?

– Конечно, ваше высочество, я же говорила, что сыщик не из худших. Оставалось только рассмотреть следы затёртой пентаграммы на полу и вспомнить полное имя старшего принца: Уильям Бенджамин. Догадаться было не слишком сложно, я и сама пользуюсь своим вторым именем, так что...

– Глория, а давай не будем переходить на официальные имена, а? Может, расскажешь мне, зачем тебе это поместье? Вдруг я смогу оказаться тебе полезным?

– Зачем это вам... тебе?

– Знаешь, всю жизнь мечтал быть сыщиком и некромантом. Вторая часть сбылась, может, пора приступить к первой?

– А тебе это зачем? – повторила я свой вопрос. – Для чего тебе становиться сыщиком? Я, если честно, вообще не очень понимаю, к чему тебе та же некромантия: ты же принц!

– А ты думаешь, что быть принцем – так уж весело? – скептически прищурился Бенджамин. – Сутки напролёт заниматься государственными делами, принимать решения, вникать в финансовые тонкости, вести переговоры, жениться по политическим соображениям, а не по велению сердца... Не хочу! Ну вот не моё это, понимаешь? Филиппу тоже не нравится, но тут уж, как говорится, кто раньше сориентировался, тот и в выигрыше.

– Однако... Насчёт того, что некромантом быть намного увлекательнее, я бы, конечно, поспорила, но тебе виднее, – искренне посочувствовала я тяжёлой доле наследника престола и тут же уточнила, – то есть ты скинул всё на Филиппа и наслаждаешься жизнью?

– Именно так, – ничуть не смутился старший принц и внезапно предложил, – чаю хочешь?

– Хочу, только мне через час самое позднее наверх вернуться нужно – приедет стряпчий как бы моей тётушки, от которой я как бы получила в наследство деньги, которые хочу употребить на ремонт хотя бы первого этажа.

– Тётушку случайно зовут не лорд Себастьян Фарийский? – проявил чудеса сообразительности Бен и пристально посмотрел на меня.

– Так что там насчёт чая? – я попыталась перевести разговор на более надёжную почву. – А то и попить не успею...

– Успеешь, – Бен не отводил от меня внимательного взгляда, – особенно если ты скажешь мне, каким образом в этом замешан мой горячо любимый дядюшка. А то, что он тут отметился, я чувствую...

– Почему? – мне было действительно интересно, как старший принц смог провести логическую цепочку от моего намерения купить дом до знаменитого королевского кузена. Кроме того, хотелось убедиться, что это просто он такой умный, а не я где-то прокололась.

– Ну смотри, – соизволило пояснить старшее высочество, – поместье, которое невесть сколько стояло никому не нужное, вдруг приобретается девушкой, которая – поверим в эту сказку – недавно приехала из глухой провинции за наследством. Девушка обладает магическими способностями, но почему-то до сих пор не выдана благополучно замуж. По удивительному стечению обстоятельств покупка имения, удачно расположенного поблизости от летней королевской резиденции, совершается именно тогда, когда пропадает очередная фаворитка Филиппа. В это же время дядюшка оставляет в столице вместо себя заместителя и срывается к королю с внеплановым визитом. Не нужно быть гением, чтобы сложить эти сведения в очень

любопытную картинку. Осталось понять, каким образом этот старый хитрый лис задействовал одну очень симпатичную сыщицу.

– Почему старый? – слегка даже обиделась я за королевского родственника, и, вспомнив брутальную внешность лорда Себастьяна, решила, что слово «старый» к нему совершенно точно не подходит. – Твой дядя очень даже привлекательный мужчина, между прочим...

– Да? – с сомнением посмотрел на меня принц. – Ну, тебе виднее, конечно. Только ты в него не влюбляйся, дядя и брак – понятия несовместимые. А фаворитка...Постой-ка...я, кажется, догадался...что он задумал...

– А давай ты свои догадки оставишь при себе? – предложила я. – А то ты их озвучишь, и мне придётся тебе что-то отвечать, а я не знаю, что можно говорить, а что – нет. Если я проболтаюсь, шеф меня выгонит, я умру с горя и буду являться тебе в виде привидения. Оно тебе надо?

– Это ты некроманта привидением напугать решила? – хихикнул принц. – Промашечка вышла, однако.

– Ну ладно, не привидением, – послушно согласилась я, – но всё равно – не спрашивай больше, чем я могу тебе сказать. Хорошо?

– Ладно, – подозрительно легко согласился Бен, наливая мне восхитительно пахнущего чая, – но у меня условие.

– Какое?

– Я буду тебе помогать, – «обрадовал» меня принц, делая большой глоток из своей чашки, – потому что без моей помощи ты не справишься. Я лучше других знаю Филиппа и смогу тебя проконсультировать. Кто подскажет тебе, как быстро и наверняка очаровать принца? Себастьян? Твой загадочный шеф? Папенька? Нет, Глория, этот чудесный человек – я! И не благодари...

«Лучше бы это оказался Нижний мир, а не лаборатория Бена!» – обречённо подумала я, глядя на лучащегося энтузиазмом старшего принца.

– Но, говорят, ты практически нигде не бываешь, – попыталась я воззвать к его разуму, – живёшь отшельником. Как же ты мне поможешь?

– Ничего, – мужественно вздохнул принц, – на время я поступлюсь своими принципами, ради такого дела не жалко!

– А это не будет выглядеть подозрительно? – сделала я последнюю попытку отказаться от добровольного помощника, – то три года нигде не показываешься, а тут вдруг...Как ты это объяснишь?

– Ну, во-первых, я никому не обязан ничего объяснять, – пожал плечами Бен, – а кроме того, может быть, я тоже решу за тобой поухаживать. Дядя ведь планирует представить тебя ко двору в ближайшее время?

– Наверное, он со мной своими планами не делился в этом отношении. Пока моя задача – купить это поместье и быстро привести его в состояние, пригодное для проживания. Так что с завтрашнего дня тут начнёт ходить прорва народу. Ты это имей в виду.

– Спасибо, – абсолютно серьёзно поблагодарил меня старший принц, – я буду аккуратен. И знаешь, что...

– Что? – насторожилась я, уже не зная, чего ожидать от новоявленного помощника.

– Дам-ка я тебе в помощь...где же это у меня... – Бен зашарил по карманам брюк, потом нахмурился, подошёл к картине, висящей около дивана, скомандовал «никуда не уходи» и исчез в мгновенной вспышке портала. Интересно как...вот это мастерство! Ни одного лишнего движения, просто раз – и портал. У меня так, наверное, никогда не получится. Ну и ладно...

Принц вернулся буквально через пару минут, я даже не успела допить действительно вкусный чай.

– Держи, – протянул он мне тоненький браслет из светлого металла с какими-то невзрачными мелкими светлыми камешками, – это твой помощник.

– Спасибо, – растерянно проговорила я, рассматривая неожиданный подарок, – очень миленький, правда, мне...

– Да погоди, это же не просто украшение, – перебил меня Бен, – не торопись...

С этими словами он надел браслет мне на левую руку и нажал на самый крупный камень. На какую-то пару минут я забыла, как дышать. Потому что напротив нас в воздухе медленно соткался и уплотнился силуэт красивого молодого мужчины с абсолютно прохиндейской физиономией профессионального брачного афериста.

– Кто это? – еле смогла выговорить я, глядя на уже почти реально выглядящего парня. – Бен, это что – призрак?

– Да уж надо думать, – фыркнул...призрак, – ты привидений не видела что ли никогда?

– Глория, это Лео, на ближайшее время – твой персональный телохранитель. Лео – это Глория, предмет твоей круглосуточной заботы и охраняемый объект. Уровень охраны максимальный.

Лео кивнул и подмигнул мне, одним взглядом оценив фигуру, лицо и одежду.

– Бенджи, скажи, а что это она такая...помятая? – призрак недовольно покосился на принца. – Хотя, конечно, всё равно лучше, чем тот старый хрыч, которого я охранял в прошлый раз. Так что я не в претензии.

– Зато в претензии я, – прошипела я разъярённой кошкой, – ты кого мне подсунул, твоё высочество? Мне вот это хамство зачем? Быстро убирай его обратно в браслет или где он там обитает в то время, когда не оскорбляет незнакомых девушек.

– Да ладно, ладно, чего шумишь, – тут же пошёл на попятный призрак, – я же пошутил, так сказать, в рамках налаживания отношений.

– Наладил? – холодно поинтересовалась я.

– В процессе, – подмигнул мне красавчик, – Бенджи, я согласен, она мне нравится. Охранять буду не за страх, а за совесть.

– Глория, ты не сердись, – улыбнулся принц, – Лео при жизни был очень...энергичным и любознательным молодым человеком, он обладает множеством знаний, которые могут оказаться тебе полезными. Он может быть невидимым, при этом слышать его будешь только ты. Если захочешь, чтобы он исчез – просто нажми на этот камень. Захочешь выпустить – на него же.

– Спасибо, – я нажала на камень и Лео, ещё раз дружески мне подмигнув, исчез, как его и не было.

– Мне так будет спокойнее, – тепло сказал принц, – ты мне понравилась, Глория. Ты такая живая, что просто невозможно оставаться равнодушным. Так что я действительно буду рад тебе помочь. Если вдруг я срочно понадобится, просто отправь ко мне Лео – для него практически не существует преград.

Дружески попрощавшись с принцем, я поднялась по лестнице и, следуя полученным инструкциям, нажала последовательно на несколько выступов. Дверь бесшумно отъехала в сторону, и я снова оказалась в захламлённом холле. Как выяснилось, очень вовремя, так как буквально через несколько минут услышала звук приближающегося экипажа.

Глава 6

«Мальчиков у нас действительно дефицит,
но не до такой же степени».

© Курьер

Стопка потрёпанных книг на столе угрожающе росла с каждым часом и уже грозила рухнуть на пол. Лорд Себастьян, уже давно снявший камзол и оставшийся в тонкой шёлковой рубашке с закатанными рукавами, перевернул очередную страницу и душераздирающе вздохнул. Спина затекла и ныла так, словно он несколько часов провёл не за столом в королевской библиотеке, а на плацу с тяжеленным тренировочным мечом в руках. Если честно, то глава тайной полиции хоть сейчас охотно променял бы сидение над книгами на любую, даже самую выматывающую тренировку.

Изучение очередной раритетной книги по древним ритуалам и магическим редкостям ожидаемо не принесло никакого результата. Ни в одной из почти сотни книг, которые успел просмотреть Себастьян, не было ни единого упоминания ни о самих шкатулках, ни о рисунках, которые покрывали их стенки. Никакого даже смутного намёка, ни малейшего указания, в каком направлении двигаться.

Себастьян отложил очередной неподъёмный том и снова взял в руки небольшую шкатулку, которая всё это время стояла на столе.

– Как же разгадать твой секрет? – обратился королевский кузен непосредственно к шкатулке за неимением иных собеседников. – Как тебя открыть? Какие тайны и секреты ты хранишь и что нужно сделать для того, чтобы ты рискнула ими поделиться?

Шкатулка вполне предсказуемо промолчала то ли потому, что была связана магическими клятвами, то ли потому, что просто не захотела. Себастьян в сотый раз всмотрелся в незнакомую вязь привычных и при этом совершенно чуждых странных символов, плотно покрывавших крышку и боковые стенки шкатулки. Казалось бы, всё понятно: вот цветок, вот символ лета, каким его изображают крестьяне на своих вышивках, вот буква древнего эльфийского алфавита... Но ни один знак или символ не был нарисован или выписан до конца, каждый оставался незавершённым и плавно перетекал в следующий. В результате получалась плотная паутина из странных половинчатых знаков, усмотреть логику или смысл в которой не получалось, хоть умри.

Не было также ни малейшего признака какого-либо замка или запирающего механизма. Шкатулка выглядела сплошной, монолитной, словно вырезанной из цельного куска дерева. И при этом было совершенно понятно, что она как-то открывается. Это несоответствие сводило с ума и заставляло открывать следующую книгу, и ещё, и ещё, уже практически не надеясь на результат.

Себастьян отставил шкатулку в сторону, встал из-за стола, с негромким стоном наслаждения потянулся до хруста в суставах и подошёл к окну. Тёмно-оранжевый солнечный шар медленно скатывался за горизонт, освещая замковые башни тёплым золотистым светом, который бывает только у летнего солнца. Весеннее – оно более агрессивное, яркое, нахальное. Осеннее – наоборот, уставшее, ленивое, тусклое. Зимнее – если оно, конечно, появляется – короткое, торопливое, какое-то напуганное, словно боится замёрзнуть...

– Интересно, чего это меня потянуло на философствования? – снова вслух произнёс герцог, задумчиво рассматривая темнеющий горизонт. – Старею, что ли?

Себастьян отвернулся от оконного стекла, за которым было уже практически ничего не видно, и направился к выходу из библиотеки. Но по пути к двери он неожиданно для самого себя остановился у старинного зеркала, которое послушно отразило высокую, поджарую и широкоплечую фигуру. Герцог окинул себя внимательным взглядом и пришёл к выводу, что мысли о старости были явно преждевременными. Хотя совсем уж молодых девушек он вряд ли привлечёт именно как мужчина, а не как герцог и королевский родственник. С другой стороны – ну что хорошего в молоденьких вертихвостках, у которых на уме лишь балы, танцы, веселье и модные шляпки?

То, что рано или поздно способы увивания от оков брака закончатся, он, конечно, понимал, но изо всех сил старался растянуть этот добрачный период на как можно более долгий

срок. Королева Марион, кстати, – совсем не старая женщина, и она вполне может подарить венценосному супругу ещё парочку малышей. Надо будет постараться довести до сознания короля мысль, что запасные, так сказать, наследники ему совершенно не помешают. Тогда есть шанс, что он хотя бы на время отстанет от кузена со своими матримониальными планами.

Тут герцог вспомнил лорда Хьюберта, который до отвращения многозначительно ухмылялся, знакомя его со своей сотрудницей, так лихо проколовшейся с исполнением роли пастушка. Хотя, надо отдать ей должное, пастушок из неё получился тогда чрезвычайно симпатичный, хотя и не совсем правдоподобный. А с другой стороны – он же не заметил, и если бы Хью не начал разговор об агенте, даже не вспомнил бы мальчишку в надвинутой на глаза шляпе. Коня напоил, посторожил, выгулял – молодец, вот тебе монетка. Так что не таким уж провальным и получился образ, раз даже он раскусил не сразу.

Да и вообще эта мисс Глория герцогу неожиданно понравилась. Не только внешне, хотя его всегда привлекал именно такой типаж: невысокие темноволосые девушки с умными глазками и хорошей фигуркой. Она была очень естественна во всём, не заискивала перед королевским родичем, а с Хью общалась в удивительно привлекательной манере: этакая смесь восхищения, иронии и уважения.

Выслушав задание, она не стала ахать, возмущаться или отказываться, а просто исключительно по-деловому уточнила, как Хью, которого она называла странным словом «шеф», собирается решить вопрос с интимными притязаниями Филиппа. И пояснила, что, хоть она и сыщик, но ложиться с младшим принцем в постель не входит в её жизненные планы. От слова никогда. Хью отмахнулся и в свойственной ему манере сказал, что пусть Глория сначала к этому постельному этапу приблизится, а там уж он что-нибудь непременно придумает. Девушка кивнула и вопрос был закрыт, во всяком случае, на какое-то время.

Через три недели начнётся сезон летних балов, перед которым он, Себастьян, представит ко двору их с Чарльзом очень-очень дальнюю родственницу, юную леди Глорию Дэндридж. Девушка всю жизнь провела в отдалённой провинции, но после смерти родителей обратилась к Себастьяну с просьбой помочь ей устроиться поближе к столице. Герцог, поддавшись душевному порыву, не отказал дальней родственнице и решил принять участие в судьбе юной леди. История вполне обычная, не сказать – банальная.

Сейчас Глория активно занималась обустройством приобретённого на наследство поместья, а также готовилась к первому выходу в свет. Она должна обязательно заинтересовать Филиппа, а потом постепенно стать кандидаткой в его фаворитки. И почему-то эта мысль вызвала у герцога глухое раздражение.

Покинув библиотеку, королевский кузен направился в свои покои, где намеревался спокойно просмотреть свежие донесения и наконец-то лечь спать. Стопка бумаг на столе была очень умеренной, что вселяло определённую надежду на то, что сегодня ему наконец-то удастся выспаться.

Закрыв последний конверт, герцог встал, скинул сапоги и с наслаждением ощутил под босыми ступнями мягкий ворс ковра. Стянув через голову рубашку, Себастьян, швырнул её на кресло и, взяв полотенце, направился в ванную комнату. Но, не успел он включить воду, как раздался негромкий стук в дверь. Ругнувшись и оставив полотенце в ванной, герцог, как был, в одних брюках, распахнул дверь, ожидая увидеть за ней Хьюберта, Чарльза или на худой конец Филиппа.

– Я войду? – женский голос дрогнул. – Или ты собираешься держать меня на пороге?

– Что случилось? Марион, что ты здесь делаешь в это время? Что-то с Чарльзом? С Филиппом? – герцог быстро перебирал возможные неприятности, которые могли привести королеву к нему в этот неурочный час.

– Может быть, ты всё же позволишь мне войти? – женщина нервно стискивала у горла длинный кружевной пеньюар, который мог бы подойти для утреннего чая в будуаре перед зер-

калом, но никак не для ночного визита к одинокому мужчине. Если, конечно, этот мужчина – не любовник.

– Да, прости, пожалуйста, проходи, конечно, – Себастьян посторонился, пропуская королеву в комнату, схватил с дивана рубашку и спешно надел: не хватало ещё полуголым расхаживать перед гостьей, – и всё-таки, что стряслось? Что привело тебя ко мне, Марион?

– А ты не знаешь? – королева подняла на Себастьяна измученный взгляд всё ещё очень красивых бархатистых карих глаз, в которых дрожали слёзы.

– Если честно, то пока нет, – герцог растерянно смотрел на королеву и мучительно не знал, что делать: как любой нормальный мужчина, он совершенно не переносил женских слёз, – но ты ведь расскажешь мне? Тебе, наверное, нужна помощь?

– Да вот даже и не знаю, – внезапно сквозь выступившие слёзы рассмеялась королева, но смех получился каким-то уж очень невесёлым, – нужна ли мне помощь от тебя, Себастьян. Налей-ка мне лучше выпить...

– Выпить? – герцог терпеть не мог манеру некоторых людей повторять за собеседником последнее слово, но визит королевы настолько выбил его состояния равновесия, что он не смог удержаться и тут же сам на себя разозлился. – Что ты будешь?

– На твой выбор, – Марион прошла через комнату и совершенно по-домашнему опустилась в кресло, подогнув под себя ногу, и при этом выглядела так, словно делала это ежедневно.

Себастьян открыл шкаф и задумчиво перебрал несколько бутылок, в итоге остановив свой выбор на коллекционном розовом вине из далёкой Османии, которое презентовал ему Хью, разжившийся целым ящиком этого восхитительного напитка.

Герцог старался даже не думать о том, что будет, если, боги сохрани, кто-нибудь проведет о ночном визите королевы в его покои. За свою репутацию он совершенно не опасался, так как, во-первых, нельзя разрушить то, чего нет, а во-вторых, он мужчина, и в подобной ситуации ему достанутся только понимающие смешки и подмигивания. А вот Марион может себя погубить, ибо королева должна быть безупречна, и она не может этого не понимать. Значит, причина, которая привела её сегодня сюда, более чем уважительная. Что ж, он сделает всё, что от него зависит, чтобы помочь жене кузена.

Он стоял спиной и не видел, с какой безнадежной тоской смотрела на него королева, в очередной раз убедившаяся, что её чувства не только безответны, но даже не замечены. Боль привычной иголкой вонзилась в женское сердце, и Марион кинула быстрый взгляд на перстень, в котором под рубином прятались несколько крупинок зелья, добытого ею через доверенную и многократно доказавшую свою абсолютную преданность личную горничную.

Герцог разлил вино по высоким бокалам и протянул один королеве. Она с благодарностью приняла вино, отпила глоток и вдруг зябко повела плечами.

– У тебя открыто окно? Откуда-то вдруг потянуло таким холодом...

– Сейчас посмотрю, – слегка удивлённо ответил герцог, не ощущавший никакого сквозняка, наоборот, ему казалось, что в комнате слегка душновато. Тем не менее, он встал, подошёл к окну, убедился, что оно крепко заперто, и вернулся к королеве.

– Тебе показалось, Марион, – улыбнулся герцог, усаживаясь во второе кресло и всем своим видом демонстрируя желание выслушать уже наконец-то причину столь странного визита. Ну не выпить же на ночь глядя она пришла, в самом-то деле...

– Наверное, – отчего-то дрогнувшим голосом ответила королева, с замиранием сердца следившая, как Себастьян делает несколько глотков из своего бокала, в котором пару секунд назад бесследно растворилась незаметная белая крупинка.

– Так чем же я могу быть тебе полезен? – Себастьян мечтал только об одном: чтобы Марион уже сказала, что ей от него нужно, и он мог, выпроводив гостью, наконец-то лечь спать.

– Меня беспокоит Филипп, – проговорила Марион, умоляюще глядя на герцога, – мальчик чувствует себя виноватым в исчезновении девушек, хотя он совершенно не причастен к этому! Я очень боюсь, что он совершит какой-нибудь необдуманный поступок, понимаешь?

Герцог хотел ответить, что для того, чтобы совершить необдуманный поступок, нужно уметь в принципе думать, а Филипп этим ценным качеством не обладает. Но сдержался и, изобразив вежливый интерес, спросил, есть ли какие-то симптомы, вызывающие беспокойство её величества.

Королева, странно улыбаясь, смотрела Себастьяну в глаза, и герцог с каким-то заторможенным удивлением почувствовал, как уплывает, тонет в этих шоколадно-карих омутах. Все мысли плавилась и растворялись в разгорающемся в крови чувственном пожаре, сметающем на своём пути все доводы рассудка.

Он не помнил, как очутился возле кровати, а под пальцами вдруг оказалась нежная шёлковая кожа, как он упал на вышитые простыни и провалился в жаркую воронку, затянувшую его всего, без остатка, как чувственное безумие поглотило его целиком.

Оставив герцога спящим на смятых простынях в разгромленной постели, королева медленно потянулась и встала с кровати. Тело сладко ломило после стальных объятий, но рассудок уже возвращался, и женщина, глядя на распостёртого на кровати герцога, понимала, что это был первый и последний раз: Себастьян её не простит. Он не будет помнить подробностей, но не сможет не понять главного. Но она достигла своей цели. Думая об этом, королева положила руку на живот и кинула в бокал крупинку совершенно иного зелья. Если её замысел удастся, эта ночь принесёт свои плоды, и, если уж ей не суждено получить самого Себастьяна, у неё будет хотя бы его ребёнок. Марион подошла к кровати, присела на краешек и, протянув руку, нежно провела ладонью по растрёпанной темноволосой голове.

Себастьян... её единственная любовь, тайная и безответная... тщательно скрываема от всех уже четверть века. Да, она королева, её место рядом с Чарльзом, но сердце Марион отдано другому с того самого дня, когда она впервые увидела кузена своего тогда ещё жениха. Сейчас ей чуть за сорок, её женский век близится к закату, и именно поэтому королева решилась на столь отчаянный шаг.

Разоблачения она не боялась: внешне Чарльз и Себастьян были во многом похожи, а людям вполне достаточно общего сходства. Артефакт, подтверждающий чистоту королевской крови, сработает правильно, так как Себастьян – достаточно близкий королевский родственник. И никто никогда не узнает её тайну, особенно сам герцог.

Тихо коснувшись невесомым поцелуем губ спящего, королева накинута обнаружившийся за креслом пеньюар, потуже затянула поясик и бесшумно вышла из покоев герцога.

Сознание возвращалось постепенно, принося с собой совершенно невыносимую тупую боль, от которой, казалось, сейчас просто лопнет голова. Себастьян застонал и попытался открыть глаза, но попытка успехом не увенчалась, и герцог судорожно попытался вспомнить, чем закончился вчерашний вечер. Судя по состоянию, вариантов было немного: он либо напился до стадии полной невменяемости, либо знатно с кем-то подрался. Никаких иных причин для столь отвратительного самочувствия Себастьян не видел. Но как можно напиться или подраться и ничего об этом не помнить? Так не бывает...

Не делая больше опрометчивых попыток открыть глаза, герцог решил двигаться к ответу постепенно и постарался припомнить, что было после того, как он пришёл к себе. Сквозь туман и боль неуверенно пробралось воспоминание о том, что к нему, кажется, приходила королева, но Себастьян категорически не мог вспомнить, зачем она явилась и когда ушла.

В дверь негромко постучали, и голова отозвалась таким яростным взрывом боли, что герцог не удержался и застонал. Видимо, стоящий за дверью визитёр что-то расслышал, так как раздались шаги, показавшиеся Себастьяну гулками ударами огромного колокола, и затем

на его пылающий лоб опустилась восхитительно прохладная ладонь. Боль медленно, но верно стала отступать и через пару минут исчезла окончательно, оставив после себя только жажду и невероятную слабость.

Себастьян аккуратно, всё ещё боясь очередного взрыва боли, открыл глаза и обнаружил сидящего на краешке кровати Хьюберта, который смотрел на него с неприкрытой тревогой.

– Мы с Чарльзом и Филиппом ждали тебя в библиотеке, – негромко сказал Хью, и герцог удивлённо посмотрел на старого друга, – но ты не пришёл, и я решил проверить, что произошло.

– В библиотеке? Зачем? – с недоумением уточнил Себастьян, и выражение глаз Хьюберта стало ещё более обеспокоенным. – Мы о чём-то договаривались?

– А ты не помнишь? – Хью быстро провёл рукой вдоль тела лежащего герцога и нахмурился. – Ты что вообще делал после ужина?

– Пришёл к себе, – каждое воспоминание давалось герцогу с колоссальным трудом, словно он за верёвку тянул из болота огромную тяжесть, – а потом не помню. Но по ощущениям я или один выпил ведро гномьего самогона самого отвратительного качества, или меня в течение часа пинали ногами все желающие. Но ведь это маловероятно...

– Совсем не помнишь? – Хью становился всё задумчивее. – А почему ты пошёл к себе, а не в библиотеку, где мы договорились встретиться с Чарльзом и Филиппом?

– Знаешь, очень странно, – медленно проговорил герцог, – но я совершенно забыл об этом. Но такого просто не могло быть: я ради этого дела сюда приехал. Я никак не мог забыть о встрече в библиотеке. Но забыл... Как так может быть? Это не магия, её бы я почувствовал...

– Ладно, с твоими провалами в памяти мы разберёмся, а вот что было потом? Почему ты напоминаешь сейчас больного трёхсотлетнего старика? Ты пришёл... дальше что?

– Я собирался в ванную, но тут, кажется, пришла Марион... а дальше я вообще не помню... – Себастьян беспомощно взглянул на Хьюберта, – я абсолютно ничего не помню... Кажется, она что-то говорила насчёт того, что очень беспокоится о Филиппе... хотя точно не скажу... как в тумане всё...

– Это твои бокалы на столе? – Хью поднялся и стал методично осматривать комнату друга. – И вино твоё?

– Не помню, – в очередной раз повторил герцог, морщась от сознания собственного бесилия, – но такое вино у меня точно было...

– Подожди-ка, – Хью внезапно насторожился, осторожно взял со стола один из бокалов и поднёс его к лицу, медленно и глубоко втягивая воздух, – однако...

– Что? – Себастьян готов был услышать любую новость, но, как оказалось, только не ту, которую озвучил ему Хью.

– В этом бокале было сильнейшее возбуждающее зелье, из числа запрещённых, – почти прошипел маг, осторожно поворачивая в руках улику, – ты не заметил, потому что его практически невозможно узнать – оно слишком редкое, да и выветривается быстро – приди я утром, ничего уже не смог бы обнаружить. Но возникает два вопроса... Первый: где она его взяла. И второй: зачем она это сделала.

– Вопрос – кто, я так понимаю, уже не актуален, – почти шёпотом произнёс Себастьян, растерянно вертя в руках шпильку для волос, украшенную искусной резьбой. Он сам привёз этот комплект в подарок королеве пару лет назад и знал, что Марион с удовольствием их носит. И вот одну такую шпильку он только что обнаружил у себя под подушкой. Можно, конечно, попытаться придумать какое-нибудь другое объяснение, но есть ли смысл: всё, увы, достаточно понятно...

– Но зачем, Хью?! – герцог смотрел на мага с искренним недоумением, словно ребёнка, которого незаслуженно обидели взрослые. Учитывая возраст и жизненный опыт начальника тайной полиции выглядело это достаточно занятно.

– Ты хочешь, чтобы я объяснил тебе логику женского поступка? Друг мой, я могу и умею многое, но не требуй от меня невозможного!

– У нас с Марион всегда были хорошие отношения, мы знакомы почти четверть века, с чего бы ей вдруг подливать мне в вино зелье? Да ещё такое... – к собственному удивлению герцог покраснел, чем вызвал негромкое хихиканье Хьюберта, – и нечего веселиться, я бы на тебя посмотрел в такой ситуации... Как мне теперь ей в глаза смотреть? А Чарли? А Филиппу?

– А Чарльз с Филиппом здесь при чём? – Хью стал абсолютно серьёзен. – Надеюсь, ты не собираешься теперь культивировать в себе комплекс вины? Слушай, женщина напоила тебя зельем, чтобы затащить в койку, так как добром ты бы туда её не пригласил. Правильно я вижу ситуацию?

– Ну... в целом, да, – кивнул Себастьян, – я никогда не испытывал к Марион никаких чувств кроме дружеских и родственных. И даже не мог предположить, что она... Как она могла так подло со мной поступить, Хью? Я не могу сказать, что бесконечно люблю кузена или что мы с ним не разлей вода, но Чарльз – мой брат и мой король, каким бы он ни был братом и королём. И как мне теперь с ней разговаривать?

– Никак не разговаривай, – посоветовал маг, хмуро изучая поднятую им с пола рубашку герцога, – соблюдай полнейший, абсолютнейший нейтралитет. И, знаешь что, намекни-ка кузену, что ему стоит почаще посещать спальню жены. Глядишь, и ещё наследники появятся... Ты же понимаешь, что у сегодняшней встречи вполне могут быть последствия?

– Да уж не маленький, понимаю, – хмуро ответил герцог, – но противно это всё...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.